

84.5k23 = B
де 88

МАГЖАН
ИЗБРАННОЕ

*МАГЖАН ЖУМАБАЕВ
ПРИНАДЛЕЖАЛ К ПОКОЛЕНИЮ
НА СТЫКЕ ЭПОХ
И КАК БЫ НОВАЯ ЭПОХА
НЕ ЛОМАЛА ИСТИНУ,
ОНА ОСТАЕТСЯ ЕДИНСТВЕННОЙ
И НЕОСПОРИМОЙ:
ПОЭЗИЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
«ПОЛИТИЧЕСКИ ВЕРНОЙ
ИЛИ НЕВЕРНОЙ»,
ОНА МОЖЕТ БЫТЬ НАСТОЯЩЕЙ
ИЛИ НЕ БЫТЬ ВО ВСЕ.
ПОЭЗИЯ МАГЖАНА –
НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО
СО ВСЕМИ ЕГО ДОСТОИНСТВАМИ
И ПРОТИВОРЕЧИЯМИ.*

МУХТАР АУЭЗОВ

МАҒЖА

Жұмабаев

ТАҢДАМАЛЫЛАР

МАТЖАН

Жумабаев

ИЗБРАННОЕ

073585/1

ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛЫҚ ЖҮЙЕ

ОВ

Москва
«Русский раритет»
2006

84.5к23
ББК 84(5)-5
М 12 2е 88

Составитель
Сауле Мансурова

Магжан Жумабаев.

М 12 ИЗБРАННОЕ. – М.: ИПЦ «Русский раритет», 2006. – 256 с.

Магжан Жумабаев (1893–1938) – выдающийся казахский поэт. Он внес огромный вклад в углубление и новое качественное пополнение духовной связи русского и казахского народов. В книгу вошли лучшие поэтические произведения Магжана.

© Мансурова С.А., составление, 2006

© ИПЦ «Русский раритет», оформление,
2006

ISBN 5-7034-0186-0

МАГЖАН ЖУМАБАЕВ –
ВЫДАЮЩИЙСЯ КАЗАХСКИЙ ПОЭТ

*Я от Солнца рожден,
Я пылаю, как Он,
Предан Солнцу душой.
Узких глаз моих взор
Искрометен и скор,
Я люблюсь собой.
На Земле, одинок,
Лишь огонь только Бог.*

Автор этих строк – выдающийся казахский поэт Магжан Жумабаев. Кто он, Магжан – человек, рожденный от Солнца? Каковы истоки его удивительной и трагической судьбы?

“Магжан Жумабаев имеет для казахского народа такое же значение, какое для англичан – Шекспир, для русских – Пушкин”. Эти слова академика Алькея Маргулана ярко характеризуют М.Жумабаева и его роль в казахской литературе.

Творчество М.Жумабаева представляет чрезвычайный интерес. Каждая строка поэта дорога казахстанцам, так как его поэзия – это биография души творца.

Магжан Жумабаев в расцвете сил и таланта был репрессирован в 1938 году. В 1960 году его полностью реабилитировали. Однако потребовалось еще четверть века, чтобы вернуть читателям его поэтическое наследие.

Только в годы независимости Казахстана, когда были открыты архивы, творчество Магжана стало широко известно. Как сквозь песок небытия, вырвался на поверхность живой родник его стихов и поэм.

Магжан Бекенович Жумабаев родился в Полудинской волости Петропавловского уезда в 1893 году. Отец его занимал пост волостного управителя и, понятно, что юноша располагал возможностью получить хорошее по тем временам образование. В начале домашняя школа, затем медресе, а осенью 1910 года М.Жумабаев поступил в Уфе в знаменитое в ту пору “Медресе-Галия”, высшее духовное учебное заведение. Здесь он учился полтора года. За это время изучил арабский, персидский, турецкий языки и заслужил высшую оценку своего наставника Галимжана Ибрагимова. Кстати, Ибрагимов, впоследствии известный татарский писатель, посоветовал Магжану продолжить учебу в учительской семинарии в Омске. Последовав совету, молодой поэт вернулся в Петропавловск. И здесь встретился с уже известным поэтом, педагогом Миржакыпом Дулатовым. Дулатов, хорошо знавший русский язык и русскую литературу, научил Магжана русскому, познакомил его с шедеврами русской литературы. Вот что он писал своей сестре из Пет-

ропавловска: “Среди тех, кого я учу русскому, есть поэт Магжан Жумабаев. Он моложе меня, пишет прекрасные стихи, поэт сильный, очень талантливый”.

В 1913 году Магжан поступил в Омскую учительскую семинарию, где встретился с Сакеном Сейфуллиным, познакомился с Григорием Потаниным.

Первый сборник стихов под названием “Шолпан” был издан в Казани в 1912 году, когда Магжану шел девятнадцатый год. Исследователи считают, что появление этой книги стало сенсацией для тюркоязычных читателей. Магжан уже тогда был назван продолжателем традиций великого Абая.

Если в своей первой книге молодой поэт во многом подражает Абаю, пишет в русле арабо-персидской, или казахской традиции, то в сборниках, вышедших в 1922 и 1923 годах, один за другим в Казани и Ташкенте, Магжан предстает поэтом-эстетом, в котором гордый байронический дух сочетается с тонким флером сложных символических прозрений. Магжан впервые очищает казахскую поэзию от дидактики и всецело погружается в стихию свободного формотворчества с культом индивидуализма и романтики, любви и смерти, дерзкого несогласия со всем, что не соответствует его поэтическому наитию.

Замечательный поэт был и крупным педагогом-просветителем. Его перу принадлежит книга “Педагогика”, изданная в 1922 году в Оренбурге. Человек энциклопедических зна-

ний, Магжан в совершенстве владел русским, арабским, турецким языками, а также диалектами тюркских языков. Он был горячим поклонником А.Пушкина, А.Блока, М.Цветаевой, А.Ахматовой. Переводил Гёте и Гейне.

Результаты работы молодого литератора и филолога были оценены специалистами, поэтому М.Жумабаева пригласили на преподавательскую работу в Ташкент, в Казахско-киргизский институт просвещения. Здесь Магжан создал свою знаменитую поэму “Батыр Баян”, печаталась в местных журналах.

В последующем он работал в Москве, преподавал восточные языки в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Кроме преподавательского труда занимался переводами произведений Максима Горького, Александра Блока, Мамина-Сибиряка, Всеволода Иванова. Сотрудничая в издательстве “Восток”, он составлял учебники для казахских школ. Продолжил учиться сам, поступив в Литературный институт, который в то время возглавлял Валерий Брюсов. Одновременно работал над книгой “Букварь казахского языка для взрослых”.

Он принадлежал к тому поколению поэтов, которые первыми в Средней Азии и Казахстане взяли на себя инициативу соединения двух потоков культур – Восточной и Европейской. Он выступал за тесную связь литературы с жизнью народа. Читая Магжана Жумабаева, окунаешься в глубину и широту мыслей и суждений, оказываешься в мире прекрасных образов, картин, в радуге красок. Пишет ли поэт

о горных холмах, о долинах, озерах, летнем утре, зимнем вечере, о ниве, земле, солнце, луне – он передает окружающий мир одухотворенно.

Крупнейший литературовед Ж.Аймаутов при жизни поэта называл его основоположником байронизма в казахской поэзии, первым создателем не эпических, а романтических поэм. Кроме названной поэмы “Батыр Баян” в двадцатых годах прошлого века были широко известны его поэмы “Кобыз Койлыбая”, “Коркыт”, “На вершине Окжетпеса”, “Сход девяноста”, “Старые сказки” и “Новые сказки”. Ж.Аймаутов писал: “Магжан силен чеканностью, образностью и выразительностью слога. Слова в его стихах, подобно жемчужинам, нанизанным на шелковую нить. Стихам его присущи нежность, порою печально-горестная тональность”.

А вот мнение известного литературоведа профессора Х.Х.Махмудова: “Творчество поэта следует рассматривать в органической связи с конкретной исторической действительностью, с тем сложным периодом, когда наступала эпоха величайших социальных потрясений. Только учет конкретной обстановки может дать ключ к правильному пониманию противоречивого во многих отношениях творчества Магжана Жумабаева”.

В 1927–1929 годах поэт возвратился в Петропавловск и работал преподавателем в Казахском педагогическом техникуме.

В 1929 году Магжан Жумабаев в первый раз арестован. Ему было предъявлено обвинение в

национализме. Допросы в Бутырской тюрьме в Москве сменились несправедливым судом и отправкой в один из карельских лагерей. В 1935 году он передал письмо из лагеря М.Горькому. Вмешательство столь влиятельного человека и его супруги Е.Пешковой помогло досрочно освободиться из заключения. При этом М.Жумабаев был освобожден, но не оправдан.

В 1936–1937 годах М.Жумабаев вновь жил на родине, в Петропавловске, преподавал русский язык и литературу в школе имени Пушкина. Безусловно, человека такого масштаба простой учительский труд уже не мог удовлетворить. Магжан обратился с письмом в Союз писателей Казахстана. За него вступился Сабит Муқанов, в то время председатель этого Союза. В 1937 году М.Жумабаев по приглашению С.Сейфуллина приехал в Алматы. И в этом городе его настиг новый арест. Вскоре Магжан был вновь осужден и в марте 1938 года расстрелян.

Долгое время реабилитированный как гражданин, поэт не был известен читателям. Своего рода подвиг совершила супруга Магжана, Зулехя. Это она собрала из литературного наследия поэта все, что только возможно было отыскать в библиотеках Москвы и Ленинграда, в изданиях Омска, Оренбурга, Ташкента, Троицка, Казани, Уфы.

М.Жумабаев был одним из самых образованных деятелей культуры советского Востока. За короткую жизнь он успел сделать многое. Именно он в первом своем сборнике вос-

славил мудрость хана Аблая. Он первый выпускник-казах Московского литературного института. И первый казах, преподававший в московском вузе.

Оценивая Магжана, Мухтар Ауэзов написал незадолго до первого ареста поэта: “Из числа всех нынешних писателей только слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений”. И эти провидческие слова сбылись. Через время, через преграды строки Магжана пришли к гражданам нового Казахстана, к читателям зарубежных стран.

В чем секрет успеха поэта? Прежде всего, его уникальное творчество – это явление далеко не национальное, казахское, но интернациональное. Ибо Магжан проповедует общечеловеческие ценности, воплощая в поэзии глубину философской мысли и искренность слова.

М.Жумабаев внес огромный вклад в углубление и новое качественное пополнение духовной связи русского и казахского народов. Будучи по специальности преподавателем русского языка и литературы, он как педагог классической школы сыграл огромную роль в освоении творчества великих русских писателей и поэтов.

Светлый ум, мужественность, сильная и страстная натура... Магжан Жумабаев был безусловно уникальным человеком.

Его поэзия дает нам яркий образ самого Магжана – личности талантливой и многострадальной, личности, побежденной последовав-

шими обстоятельствами времени, закончившимися так горестно и печально.

На родине поэта в Северо-Казахстанской области район носит имя Магжана Жумабаева. В Петропавловске, на одной из центральных площадей, установлен памятник поэту, просветителю и журналисту. Его именем назван педагогический колледж.

Стихи Магжана любимы в Казахстане, его книги доступны широкой общественности. Это самое истинное и высокое признание.

Предлагаемая книга стихов дает возможность соприкоснуться с замечательным творчеством поэта.

Сауле Мансурова

СТИХОТВОРЕНИЯ

Я КТО Я?
грозный лев, кто сдержит мой напор?
Я тигр, который устрашает взор.
Я в небе туча, на земле – буран,
Бушующий с равнин до самых гор.

Я в небе солнце, чьи лучи щедры,
Сын космоса, я ваш лишь до поры.
Я океан без берегов и дна,
Я весь приволье, нега и порыв.

Весь пламя я, ожгу, поберегись,
Я тот скакун, быть ровней с коим – риск!
Пусть небо рухнет, иль земля – во прах,
Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь.

Я не умру и дух мой не умрет,
Что смерти нет, не знает всякий сброд.
Я сам и царь, и сам себе – судья,
Совет мне даст лишь явный сумасброд.

Когда я добр, то мыслю, как в раю,
Когда во гневе, ад в себе таю.
Нет близких мне, один я, как Господь,
Заслужат ли рабы любовь мою?!

Лишь сам я бог, себе поклоны бью,
Мой слог Коран, я свой лишь слог люблю.
Я окаянный и покаянный – я,
Дух прошлого, я кончил жизнь твою!

Перевод А. Кодара

Я ОГОНЬ
от Солнца рожден,
Я пылаю как Он,
Предан Солнцу душой.
Узких глаз моих взор
Искрометен и скор,
Я люблюсь собой.
На Земле, одиноко,
Лишь огонь только Бог.

С нежным пламенем слит,
Он, целуя, палит,
Усмехнется и вон!
Взбудоражив, смутив,
Уберет всех с пути.
Его имя – Огонь.
Так зовут и меня,
Я – поклонник Огня.

Красно небо огнем,
Все бледнеет при нем.
Жар вдохну я, и, бодр.
Божества нет святых,
Я святыне моей
Капну масла в костер.
Капну масла, он, чист,
Гордо выгнется ввысь.

Заклинает он змей,
Он дракона сильней.
Вон пылает, маня.
Пламенеет огонь,
Быстроглаз я, как он.
Мы – прямая родня.
Пламенею и я –
Огнебога дитя.

Суд над тьмою твоя,
Занялася заря,
Я зарею рожден.
Я и сердцем – в зарю,
Я и верой горю,
Солнцу лишь мой поклон.
Сын зари и огня,
До последнего дня.

Я со мглою в вражде.
С гор алтайских до стран
В пиках Альп и Балкан,
Пролетал я везде.
Пролетал как стрела, –
Чтобы не было зла.

Перевод А. Кодара

З РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Земля, где я увидел белый свет,
Где пуповину мне отрезал дед.
Где я играл, гоняя мух, слепней,
В эпоху детства, коей лучше нет.

В твоей я почве порожден, ты – дно,
И плоть, и дух мой с тобой – одно.
В другой земле мне кажутся темны
Светила все и с Солнцем мне темно.

Я помню нёбом сладость вод твоих,
Твои леса и степи, твой тростник.
Мальчишкой мне остаться бы в степи,
Который детства красотой велик.

Забыв про дом, гонять в степи ягнят,
Дружков своих в грязи степной валять.
Играть в качели или кость ночами,
Днем стригунка-неука усмирять.

Но “Голова – Аллаха мяч”... Куда
Направит Он, туда мы мчим всегда.
Могу и я уйти в далекий край,
Но знай, к тебе любовь моя тверда.

Перевод А. Кодара

0 7 3 5 8 5

17

Ж ИСПОВЕДЬ

Жизнь – море, где ни берега,
ни дна.

Лишь усмехнется, шелестя, волна.
А мне уж скоро будет двадцать семь
Пусть не старик я, знаю жизнь сполна.

Небытие мое прервала мать.
Встречал восходы, провожал закат.
С рождения плыву я против волн,
Пусть и свиреп, и грозен их накат.

С тех пор я встретил столько светлых зорь,
И тьма не раз скрывала весь простор.
Как начал мыслить, с сердцем я борюсь,
Я столько мог бы ей сказать в укор.

Смутьянка-сердце воли не дала,
Застыл и разум, опустив крыла.
Года бегут, их счет неумолим,
Безумная, сожми же удила!

Твоих приказов чуткий есаул,
Я и в огонь бросался, и тонул.
Прошли года, стою как перст, один,
За что меня втянула ты в разгул?

“Стань ветром!” – ты сказала мне, я стал,
Меж “рано”, “поздно” я не выбирал.
Как буйный ветер бился я с огнем,
Пред ним в боязни я не замирал.

“Огнем ты стань!”, так я уже горю,
Могу обжечь дыханием зарю.
Зола иль роза – мне ли их делить,
Я им как равным жар свой подарю.

“Водою стань!”, так я потек, журча,
Змеей стелюсь, что в образе ключа.
Завороженных музыкой моей,
Своим особым волшебством леча.

“Ты Солнцем стань!”, как Солнце я смеюсь,
Я выше Солнца по накалу чувств.
Обняться с каждым я душевно рад,
Себя принизить этим не боюсь.

“Стань Месяцем!” – сказала ты. Плыву.
Скорблю по всем, кто не сорвет траву.
Сестра тоски, лью колдовской я свет,
Для всех в печали выгнувших главу.

“Влюбись!” – приказ был. И, к любви горазд,
Я мотыльком сгорал на углях глаз.
И в те лихие, колдовские дни
Из пепла саван мне бывал как раз.

“Рыдай, поэт!” – сказала ты, так что ж?
Я плакал, словно после стольких гроз.

Ручьями крови я рыдал порой,
Когда уже не оставалось слез.

“Оставь родных!” – сказала ты, я тих,
Уж сколько лет скитаюсь без родных.
Пусть было много на пути невзгод,
Отца и близких не искал мой стих.

“Покинь Отчизну!” Я пустился в путь,
Я не был чуждым средь чужих ничуть.
Я постепенно стал для всех своим,
Понять пытаюсь их живую суть.

“Беги богатства!” Разве ж я копил?
Свои объятя нищете раскрыл.
“Дерьмо – свинье, собаке – кость дороже!”,
Так говоря, развеял все я в пыль.

“Того, что нет, найди!” Так я нашел.
“Луну достань!” Я на луну взошел.
Все, что просило, я исполнил, сердце.
А что взамен? Все тот же произвол.

Ты обмануло и предало вновь,
Мне через месяц двадцать семь годов.
А там и тридцать, там и сорок, что же,
Перед Отчизной с чем предстать готов?

Мне через месяц будет двадцать семь,
А там и тридцать, там и сорок... Кем
Останусь я в людских воспоминаньях,
Когда уже исчезну насовсем.

Шальное сердце к небу лишь рвалось,
Пред ней был разум – нежеланный гость.
Отрава – юность, так я пил отраву,
Теперь печаль – и дом мой, и погост.

Я с разумом был явно не в ладах,
Теперь меня преследует лишь страх,
Однажды я уйду в сырую землю,
Так чем помянут мой остывший прах?

“Сам ветренный, он ветер лишь любил!
В огонь бросался очертя, дебил!
Безумец сам, он чтит огонь за Бога,
Огонь, не знавший меру чувств и сил!”

Иль скажут, что до времени увял,
К золотой луне стремился вечно вдаль.
Как лев, что жаждал до луны допрыгнуть,
Разбился он, оставив нам печаль!”

Как Солнце, он был рад всегда всему,
Был Солнцем он и ненавидел тьму.
Был Солнцем он, был на улыбку щедрым,
Так и ушел изогнутым в дугу.

Иль скажут, что певцом был красоты,
Что поверяли все ему мечты.
В дни радости и горя, может, скажут:
“Поэт, ты с нами, необходим нам ты!”.

Иль, может быть, ко мне забудут путь,
Забвению мое имя предадут.

Возможно, и к могиле одинокой
В степи бескрайней люди не придут?..

Страна казахов, о, не обманись,
Я не в ответе за лихие дни.
Пусть суд твой будет праведным, раз судишь,
Я не виновен, сердце ты вини!

Безумно сердце, ей своей рукой
Хотелось солнца диск обнять златой.
Смеясь – целуя и целуя – плача,
Оно, погибнув, обретет покой!

Перевод А. Кодара

О

ТУРКЕСТАН

Туркестан – граница двух миров!
Ты – колыбель для нас, твоих сынов!
Ты избран Тенгри как Отчизна тюрков,
Храбрейших в битвах, словно стая львов!

Столетия прежде, иль в седую рань,
Не Туркестан ты звался, а Туран.
Здесь наши предки пребывали вечно,
Отсюда всюду простирая длань.

Здесь горы наши к небу вознеслись,
Седой макушкой подпирая высь.
И, словно слезы этих стылых высей,
Со склонов реки спешают вниз.

“Оксус-Яксарт” или “Сейхун-Джейхун”,
Срываясь с гор, текли до зыбких дюн.
На их берегах – могилы наших предков,
Священные в сиянье солнц и лун.

Забывать ли мне красу “Небесных гор”?
Тянь-Шань мой я славлю до сих пор.
О храбрых тюрках вспомню я невольно,
Когда Хан-Тенгри мой увидит взор.

Балхаш, как дочь горы Тарбагатай,
Как пуп земли, торчат Памир, Алай.
И, если б не вершины Казыкурта,
Потоп залил бы землю через край.

Турана лучше есть ли мир другой?
Превыше тюрки мне страны любой!
И разум в них, и дерзость, и отвага –
Отважней тюрков кто помчится в бой?!

Чингиса нет мудрее и храбрей,
С могучей волей, коей нет мощней!
И даже имя грозного праотца
Нас возвышает до скончанья дней!

Сын Тарагая, тюрков вождь Тимур,
Был пуще молний и опасней бурь.
Вселенную слепя своим сияньем,
Промчался он, поспешен чересчур.

Кто родом тюрк, того священна кровь,
Был Авиценна шейхом мудрецов.
Познанием смущал он всюду смертных,
Не знающим ни дна, ни берегов.

Огню подобны были тюрки там,
Как молнии, что мчат по небесам.
Когда единство тюркское распалось,
Наследников досталась слава нам!

Как не искать Отчизну нам в тоске?
Скакун и тот к ней мчится налегке.
Народ Алаш, твоя земля в Туране,
И лишь свобода в дальнем далеке!

Тянь-Шань, Памир и бдительный Алай.
Нас ждут, как будто позабытый рай,
Где нас зовут пройти дорогой славы
Кенесары и доблестный Аблай!

Перевод А. Кодара

Е ЛЮБЛЮ

Ее волосы как бы посыпаны пеплом,
Она – еле живая и полуослепла,
Скоро будет ей сто, коль Аллах ей
поможет.

И сидит она, четки перебирая,
Не зная, осталось ей сколько до рая,
Могильную сырость уж чувствуя кожей.
Это мать моя бедная в старости тяжкой.
Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.

В глазах ее нет занебесного света,
Из уст не услышишь ни слова привета,
В объятьях нет страсти, зовущей
к безумствам.

В постели она – не тигрица, не дьявол,
Не умеет дерзить, спокойная нравом,
Сильна лишь в возиться с посудой
искусстве,

Это женка моя неказистая с виду.
Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.

Всегда пребывающий в полудремоте,
Всегда в малахае, что скроет зевоту,

Избравший лишь лень себе вечной
опорой.

По старым заветам все также живущий,
С отарой встающий, с отарой бредущий,
Есть народ мой “алаш” на движенье
нескорый.

Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу его не любить.

Миражной завесою вечно покрытый,
В буранах взывающих грозно, сердито,
С зимою, как саван, и с летом свирепым.
Не имеющий леса, не имеющий рощи,
Не имеющий гор, где вода в речках ропшет,
А имеющий только лишь мертвые степи,
Это вот Сарарка – моя родина в дреме,
Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.

Перевод А. Кодара

СЛОВО
ХРОМОГО
ТИМУРА

—**Ч**то означает слово “мир”?

То, что вмещается в ладонь.
В одной ладони двум богам
Нелепо ссориться за трон.

Согласен я, Бог Неба – Бог,
Пусть правит Небом с мощью всей!
А я Тимур, я – Бог земли,
Не тронет пусть Земли моей!

Бог Неба Бог, но у него
Ни рода нет, ни сути в днях.
А я Тимур, я – Бог Земли,
Я тюрк, что родом из огня!

Перевод А. Кодара

К ЛУНЕ

Крылья ночи скрыли солнце,
В небе звезды засверкали.
На луну смотрю в оконце,
Полный лик ее в печали.

О, Луна, скажи, как другу,
Что с тобою приключилось?
Ты плывешь в немом испуге,
Словно в небе заблудилось.

Или, кто-то свет твой застит,
Твой убор царицы скомкав?
Или, в ссоре с настоящим,
Загрустило о былом ты?

Как узреть, твое бывшее,
Золотым, быть может, было?
Звезды в небе за собою,
Как народ свой, ты водила?

Может, в девственной свободе
Наслаждалась ты раздольем?
Право восхода и захода
Не в чужой держалось воле?

Скорби сей и я наперсник,
Прежде был и я на троне.

Был горяч я, юн и дерзок,
С птицей счастья на ладони.

В степь всмотришь, ее просторы,
Словно шелковая скатерть.
Рек медовых блеск и горы,
Эта степь – моя праматерь.

Здесь я в играх и проказах
Допоздна носился шало.
Я ни в чем не знал отказа,
Никогда не знал печали.

Но, увы, судьба проклятем
Заклеймив, всего лишила.
Глаз зрачок моих – праматерь,
Взяв, меня осиротила.

Так судьбой обманут злою,
Погребен при жизни – вою.
О, Луна, возьми с собою,
Будем вместе – два изгоя.

С клятвой верности, до плахи
Путь невзгод пройдем с тобою.
Мы прольем перед Аллахом
Слезы, смешанные с кровью.

Может быть, он нас услышит?
Путь в слезах еще зачтется?
Заблудившаяся в высях
Птица счастья к нам вернется?

Перевод А. Кодара

Т ОЖЕРЕЛЬЕМ – ЛУНУ
И ЗВЕЗДУ НА КОЛЬЦО

Твой лик, как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам.
Как шелк воздушна, ты приходи ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

Туманит разум слов твоих игра,
Мне морем стать бушующим пора.
Твой смех есть россыпь жемчуга, мой свет,
На плоском диске, что из серебра.

Волнуясь, волосы, волнуют сердце мне,
Волнуясь, шлю посланье я волне.
Любимая, вот сердце, вот стихи,
Даря их вместе, я люблю вдвойне!

Возьми стихами вышитый платок,
Мое дитя, ты – сладкий лепесток.
На мед, обычно, мухи все летят,
Платком взмахнув, их вызовешь отток.

Когда придешь, воздушна словно шелк,
Из света дам на голову венок.
Из слез своих я жемчуг нанижу,
Не смейся, что без слез любить не мог.

Твой лик, как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам.
Как шелк воздушна, ты приходи ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

Перевод А. Кодара

И НА ЛЕТНЕЙ ДОРОГЕ

Иду по бескрайней степи, одинок.

Я – черная точка, вокруг лишь – песок.

И нет никого, я – единственный путник.

Ни друга со мною, кто шел бы за мной,

Лишь я и земля, небосвод голубой.

Готов я заплакать в песках бесприютных.

Июльское солнце гнетет здесь мой дух,

А степь, словно труп, и ни звука вокруг.

Земля и сама задыхается в зное.

Лишь вьется дорога, змеєю стелясь,

Лишь пыль, оседая, здесь грудится в вязь.

И душно в безветрии, полном покоя.

На небе ни тучки нет, ни – облачка,

Багрянцем окрашено небо слегка.

Вокруг погрузилось все в некую тайну.

Вот кто-то как будто вздохнул, застонал...

Иль демоном вдруг овладела печаль...

Иль ведьмы гуляют, безудержны крайне?

Там сопки уснули тягучей грядой,

Там озеро светится дивной дугой.

И сон ее мирный так сладок, покоен.

В воде отражаясь, как в зеркале, весь,

В своей наготе без всяких завес,

Камыш ветерочка колеблем игрою.

Прибой загудел, всюду только шум волн,
Пошли миражи вдруг с разных сторон –
 То озеро зыбится, город иль туча?
Иль войско в доспехах, блестящих, как лед,
В поход на кого-то державно идет,
 Из копий щетинясь покровом летучим?

Земля исстрадалась в надежде, что дождь
Из тучки, что праздна, польет на “авось”.
 Закатное солнце смеется далече.
Цветы обожая – красавиц степных,
Вниманьем своим покоряет он их,
 Целуя с небес, опалает навечно.

Вокруг только смерть, и ни звука окрест,
Один я в степи всей, один я, как крест.
 Чего же не видно русалок из сказки?
Чего ж не смеются они, хохоча,
Златыми власами меня щекоча,
 Нагие русалочки-голубоглазки?

Чего же они все таятся кругом,
Смеются и шепчутся, ходят молчком,
 И крутят свои вокруг меня хороводы?
Им трудно ли выгнуться гибким бедром,
Прижаться, ласкаясь, всем естественном,
 И дать мне, целуя, пьянеть от свободы?

Лишь вьется дорога, змеею стелясь,
Лишь пыль, оседая, здесь грудится в вязь,
 И душно в безветрии, полном предчувствий.
Впадая в беспмятство, пленник тоски,
Слезами тоски орошаю пески.
 Я рад здесь скорей умереть от удушья.

Перевод А. Кодара

Я ЗИМНЯЯ ДОРОГА

в бескрайней степи понукаю коня,
Одного, без друзей, ночь застала меня.

Завывает буран, гоношится метель,
Жидкий снег превратил всю дорогу
в кисель.

Конь поводит ушами, знать, видно, невмочь,
Беспокоит его эта темная ночь.

Разгребая свой путь, он рысит и рысит.

Взбеленилась метель, дует ветер дурной,
То он ангельски тих, то он бешено-злой.

То фырчит, то свистит, то завоет,
как зверь,

То хохочет, смеясь, то молчит, изувер.

Снег же бьет мне в лицо, хлесток,
словно из сит.

А буран прихотлив – то замедлит свой бег,
То клонится к земле и целует там снег.

А то грусть напустив, очень скорбен
лицом,

Что-то шепчет себе как растерянный
гном.

Снег вокруг для него, словно саван...

И хмель

Г ГОСПОДЬ ВЕЛИКИЙ

Господь великий, ты велик, мы верим
в это,

И чтя тебя, мы исполняем все заветы.
Надеясь, что рабов своих ты не обидишь,
Мы волю отдали тебе, который светел.

Мы постоянно поминаем твое имя,
“Аллах акпар!”, “Аллах велик!”. Господь
любимый,

Ты справедлив, и потому в твоей мы воле.
Любой наш шаг ведом приказами твоими.

Прости, Господь, коль я опутан суетою,
Раз явно зло, сказать о нем, пожалуй, стоит.
Ты так велик и милостив ко всем на свете,
Лишь нас, казахов, ты любви не удостоил.

Ты дал другим вершины гор, морей пучину,
Леса, озера и в цветах сплошных долины.
За что же мы живем без стана и приюта,
С тяжелой долей проклятого сына.

Ты дал нам степь, где нет травы, где только
пустошь,
Не дал ни благ, ни знаний, ни искусства.

Нет, мы не те, не пасынки твои, что злобны,
За что же псов, числом не счесть, на нас
науськал.

Другим ты слал посланцев истых неустанно,
Народ прозреет лишь водительствуем
к знаниям.

Не дал ты нам, Господь, ни Книги,
ни Пророка,
За что ты нас, скажи, оставил без Писания?

С тех пор казаху счастья нет, ему все хуже,
Другим народ мой как мишень насмешек
нужен.

Не принял нас ты за людей, не дал Пророка,
Арабов хуже посчитал – прислуг верблюжьих.

Прости, Господь, умерь свой гнев, я раб твой
хилый,

Не сторонись казахов ты, яви им милость.
Бог справедливый, говорю, трясясь от боли,
Пока все палками меня тут не забили.

Перевод А. Кодара

ВЕТЕР
он – ветер, мальчик озорной,
Степь любит пламенной душой.

Ему покой неведом.
Губами будто шевеля,
Зашепчет из-под ковыля,
Или завоет следом.

Нет ветру равных тут и там,
Вот он забегал по горам,
Смеясь, он брал преграды.
Не прячьтесь, все равно найдет,
Плевком в лицо вам попадет,
И убежит, неладен.

Он беспокойный баламут,
Пораньше встанет он и в путь.
И ну ползти по полю.
Пристанет к озеру, что спит,
Ее измучит, изрябит,
С ней поиграет вволю.

Потом разбудит древний бор,
Утешит чем-то, резв и скор,
Приветит старца, ласков.
И, умеря свою прыть,
Стараясь чувства свои скрыть,
Заглянет к черноглазке.

Дыша в лицо ей горячо,
Схватив легонько за плечо,
 Он скажет, скорбен слишком:
“Я прилетел к тебе с зарей,
Дай поцелуй мне, ангел мой,
 Приветь меня, глупышку!”

Она молчит, а он взаллеб,
В глаза целует, в губы, в лоб,
 То в грудь запустит руку.
Я рад, красотка, за тебя,
Ах, почему не ветер я,
 Все остальное – скука!

Перевод А. Кодара

Зевнув, потянувшись, с досады красotka
Сказала: “Пригрело. Наверно, к весне”,
И снова заснула – уютно и кротко,
И больше не видела страсти во сне.

Проснулся в тюрьме и джигит наш знакомый,
Он горько вздохнул, улыбнулся потом.
Ему солнечный зайчик напомнил о доме,
А также о той, что забыла о нём.

Перевод А. Кодара

Н БАБОЧКА
а свече без оглядки
Бьется лета лоскут,
Не считая остатки
Учащенных секунд.

Так медлительно странствие
Над свечою, – но ах! –
И частичка пространства
Обращается в прах.

Вы, избранники судеб,
Пощадите крыла.
Злата кто не добудет,
Не сходите с ума.

Пусть поспешный бесславлен,
Очевидное – плен,
Вместо золота – саван
Ты получишь взамен.

Перевод А. Парщикова

...воин погиб, захлебнувшись
в крови, и успокоилась душа
беспокойного.

Жизнь, как степь, и в ней поэт –
ребенок,

И душа блуждать ему велит.
Словно шелест пенистых оборок,
Жизнь его займет и усыпит.

Старика тоскливые советы
Мне напоминают океан,
В глубине скрывающий предметы,
О которых смутный образ дан.

А на дне Дарьи есть шесть десятков
Белых юрт на золотых шестах,
Шелковые пологи и сладкий
Голос – баю-баю на устах.

Там сомнамбулические орды –
В седлах колыхающийся хор,
Смехом колдовским заводят воды,
Пена – как стада сбегает с гор.

День ли, ночь – не помню, все возможно...
Но сошлись здесь вечные враги,

Замерли в молчании осторожном,
Став на расстоянии руки.

Жизнь и смерть – два полюса бескрайних,
Оба повстречались на меже.
И явился им на поле брани
Юный воин с пламенем в душе.

Он увидел зло и в том, и в этом,
Две огромных цели для свинца.
Только отскочила рикошетом
Пуля – и убила молодца.

Два врага свидетелями были,
Как судьба себя нашла сама.
– Одержим, – со смехом, говорили, –
Или вовсе выжил из ума.

Не пугайся мыслей ядовитых,
Ты воспой печаль свою, но так,
Чтобы тайны сами на орбитах
Выплыли к тебе, рассеяв мрак.

Жизнь и смерть в борьбе непримиримы.
Только песнь роднит их, только стих,
Надо, прежде чем сразиться с ними,
Петь, созвучьем связывая их.

Я жалею о судьбе поспешной.
В мире многое сближало нас.
Ты – поэт блуждающий и грешный,
В будущее шел ты – и погас.

Перевод А. Парщикова

В УРАГАННАЯ НОЧЬ

В бескрайней степи – бурная ночь,
Повсюду – лишь смерти унылое царство.
Я факел зажег, чтобы свету помочь
Осилить покрытое мраком пространство.

Пусть черные тучи нависли с небес,
Пусть выюга ярится, вздымая метели,
Но в слабых руках слабый свет не исчез,
Он виден в ночи, хоть и теплится еле.

Пусть светом таким и нельзя удивить,
Надеюсь, он выдержит долгие годы.
Я с Солнцем, Луной мог его бы сравнить,
Без коих во мгле бы осталась природа.

Возможно, его гордецы не поймут,
Обидят насмешкой живущие прахом,
Не стану на это смущаться ничуть,
Уверен есть те, кто поддержит мой факел.

Перевод А. Кодара

С ЗАГАДКА

Степь разлилась желтым цветом.
Веет ветер. Веет ветер.
Что-то сердце чует, чует.
А кочевный люд кочует.

Степь молчит. И мальчик замкнут.
На мгновенье ветер замер.
Степь загадка. Мальчик тоже...
Что же душу мне тревожит?

Степь молчит. Малыш молчит.
Кто загадку ту решит?
Снова ветра дуновенье.
Степь. Загадка без решения!
Степь разлилась желтым цветом...
Веет ветер... Веет ветер...

Перевод В. Шестерикова

О, ГУЛЬСУМ-ХАНУМ

О, Гульсум, чьи пленительны очи
и речи медовы,
Пусть уж нам впечатления мира не новы,
Почему же волнуюсь при встрече я с Вами
На безумства любые окунуться готовый.

О, Гульсум, чьи пленительны очи и речи
с намеком,
Пусть смеется не солнце, Гульсум, –
Ваше око.

Ах, Гульсум – это солнце, плывет себе в небе,
И не знает, что кто-то тут страдает жестоко.

Перевод А. Кодара

Т СОЛОВЕЙ

Так выводил ты свое соло,
Так тонко чувство выражал,
Что брал восторг, бросало в холод
И в забытье, в озноб и жар.

Когда поешь ты, то в сторонку
Слетают, пение свое
Оставив, даже жаворонки,
И – замолкает воронье,
Внимая трелям и раскатам,
Способным разогнать тоску,
И непоседы-жеребята
Вдруг замирают на скаку.

Ах, птичка милая, поведать
Спешу тебе в слезах о той,
За кем пошел навек бы следом,
Разлуку выстрадав душой.

Слтай к возлюбленной, в край дальний
И под окном ей с ветки спой,
Как полон я тоской-печалью,
И прежде, чем лететь домой,
Разбереди моей любовью,
Рулады мастерски верша,

Чтоб дивной трелью околдована,
Зажглась огнем ее душа.

Мне исцеленьем будет лучшим
Твоя лишь песня, может быть...
Лишь песней можно тронуть душу
И целый мир заморозить!

Перевод В. Шестерикова

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

1
Смотри с волнением, вдали,
Жемчужных волн валы.
В них чья-то боль болит.
Жемчужных волн валы.
Сумеешь их язык понять,
Не знать тебе зола.
Смотри с волнением, вдали,
Жемчужных волн валы.

2
МАТЬ
На землю молоко сдоив,
Грустит ли мать моя по мне?
Грудь рукавом большим прикрыв,
На землю молоко сдоив,
Как объяснит такой порыв?
Меня ли видела во сне?
На землю молоко сдоив,
Грустит ли мать моя по мне?

3
МАТЬ И МЛАДЕНЕЦ
Младенца нежный локоток,
Ласкаясь, мать целует.

Зарыв желанного в песок,
Кляня свой локоть и висок,
Стоит с лопатою сынок,
Безмолвен, строг, горюет.
Младенца нежный локоток,
Ласкаясь, мать целует.

4

Какой-то черный силуэт,
Как будто скачет вдалеке.
Вон мальчик, ждущий лунный свет,
Какой-то черный силуэт,
Луны все нет, все нет, все нет,
Когда ж доскачет, друг тоске?
Какой-то черный силуэт,
Как будто скачет вдалеке.

5

Жизнь

Ты – глупый пес, а жизнь – лиса,
Бежишь ты радостно за ней.
Схвати ее, иначе сам
Пойдешь к праотцам в небеса,
Тебя пасут, собак краса,
Найдут, отдашь лису скорей.
Ты – глупый пес, а жизнь – лиса,
Бежишь ты радостно скорей.

6

“Повинное” слово

Ни Бога нет, ни веры нет,
Как душу мне очистить?
Где страсти нет, не мил мне свет,

Ни Бога нет, ни веры нет,
Жизнь только гнили жалкий цвет.
Как без надежды мыслить?
Ни Бога нет, ни веры нет,
Как душу мне очистить?

7

Звук в ночи
Подавший голос мне в горах,
Был Тенгри или филин был?
Познал тогда я скорбь и страх.
И, если Тенгри – это ты

Подал свой голос мне в горах,
Осуществи мои мечты,
Не будь скупым ты, как Аллах!
Подавший голос мне в горах,
Скажи мне всё же, кем ты был?

8

“ЗАВТРА”, “ВЧЕРА”, “СЕГОДНЯ”
Все ясно с “завтра” и “вчера”,
Сегодня это только миф.
А “завтра” это туч игра,
Все ясно с “завтра” и “вчера”,
Прошедших дней прошла пора,
Оставив в памяти нарыв.
Все ясно с “завтра” и “вчера”,
Сегодня это только миф.

Перевод А. Кодара

НЕМНОГО ПО ФЕТУ

Ночи шелк,

Ветер смолк.

Он, она.

Тишина.

Они вон,

Смеха звон.

Так пьяны,

Влюблены.

Месяц тих

У реки.

Соловей,

Ветер вей.

Остуди,

Пыл в груди.

“Ах, не тронь!”

Губ огонь.

Тихий бор,

Разговор.

Сопок ряд,

Жаркий взгляд.

Шепоток,

Чувств поток.

Туч моря,

И – заря.

Перевод А. Кодара

— **С** ВНУК И
БАБУШКА
кажи, бабуся, что есть

в выси?

Платок небес пестро так вышит.
Когда смеясь, мигают звезды,
Луна-старуха крикнет “Тише!”
Вон тучки, словно козы наши,
Когда пастух на привязь нижет.
Плывут, кучкуясь, друг за другом,
Как будто их спугнули свыше...

— Нельзя так, мальчик мой веселый,
Иди к мулле, пусть примет в школу.

— Послушай, что Лукбек сказал мне,
Земля мяча есть родич дальний.
Еще вдали, — сказал, — есть море,
В нем дна нет даже, — он сказал мне.
Еще сказал, что есть пустыня,
Где жжет песок везде повально.
Ответь, бабуся, он прав иль врёт он,
Скорей ответь, мне знать охота.
— Я — тёмная, ответить мне ли,
Сходи к мулле ты на неделе.

– Бабусть, бабусть, прости за прыткость,
Скажи, а море густо, жидко?
Сказали, есть гора далёко,
Грозит макушкой небу шибко.
И что там бегают по склонам,
Сайгак, иль, может, заяц хлипкий?
Скажи, медведь не выше будет
Быка, смотри, наш мощен бык-то?

– Брось, озорник мой развеселый,
Тебе об этом скажет школа!

Перевод А. Кодара

БРАТЬЯМ
ИЗ СЫР-ДАРЬИ

О гню поклоны бил твой дед,
А ты земле свой шлешь привет.
Огонь есть Бог, и лишь в него
Твой верил дед, как в божество.
И что ж, он бегал от врагов?
Огонь и песнь спасли его.

Огонь же это небосвод,
Лишь он всю землю обоймет.
Над ней нависнет он.
Любовь его – земля одна,
Могилей ждет его она,
Умрет, в нее влюблен.

Твой прадед масло лил в огонь,
Гнал бесов он со всех сторон.
И если дух его – алмаз,
Запятнан был или потух,
Он очищал ослабший дух,
Огнем прекрасным, словно страсть.

О, Сыр, ты некогда царил,
Восстань же из своих могил.

Люби огонь, что дед любил.
Кто не скакал, не вздымлет пыль,
Кто не скакал, не знает пыл,
Ты сам сгори, чтоб внук твой жил.

Огонь лишь Бог, ты верь в него,
Других не может быть богов.
Вот братьям с Сыра мой завет.
Ваш дух запятнан иль потух,
Очистить чтоб ослабший дух,
Вам лишь огонь даст жар и свет.

Перевод А. Кодара

И не дойдет ли песнь моя,
В себе всю нежность затая,
До той, кто ждет в тоске?

Пусть я сгорю, нет счастья мне,
Пусть всё вокруг горит в огне,
Странанье – соль земли.
В стихах себе скажу “Вперед!”,
Стихами пробужу народ,
К чему мне слезы лить?

Перевод А. Кодара

ПРОРОК

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк.

Над Западом сгустился мрак ночной,
Там Солнце ныне не взойдет с зарей.
Во мгле ночной лишь демоны кружат,
И даже Бог растоптан там толпой.

Д.С.Мережковский

Над Западом сгустился мрак ночной,
На небе звезд не видно ни одной.
Здесь дети ночи, Бога умертвив,
Напрасно ждали, что придет другой.

Над Западом сгустился мрак ночной,
Здесь всякий занят полной ерундой.
Законы веры знать им не дано,
Здесь брюхо застит окоем собой.

Исчадья тьмы, дорогой тьмы идут,
Их и Муса* не вызволит из пут.
Айса**, сын Божий, распят ими был,
Лишь крови жаждал их неправый суд.

* Муса – библейский Моисей.

** Иисус.

О, дети ночи, под покровом мглы,
Лишь Вельзевулу* поклонялись вы.
И Библию, топтали, и Коран,
Восславив брюхо, что еще могли?

О, дети ночи, вы – заре враги,
Ваш Каин** первый вырос на крови.
Животное, чей идеал лишь плоть,
Как может знать высокий зов любви?!

Так в половодье волн страшит накат,
Так яд в крови рождает в ней распад.
О, дети ночи, ваш повержен мир,
Над Западом – раскаты канонад.

В кромешной тьме царит над всеми ночь,
В ней голоса, и всхлипы, и не прочь
В ней кто-то засмеяться, зарыдать,
Незримый кто-то там до игр охоч.

Незримый кто-то воеет и орет,
Таких, как сам, на шабаш он зовет.
Вот он споткнулся, снова побежал,
Слепой во тьме, как путь он разберет?

В кромешной тьме он ходит, востроглаз,
Беда и кровь нашли тут свой экстаз.
И задыхаясь от паров таких,
Он ходит в думах тяжелых как напасть.

В кромешной тьме и время медлит ход,
Не удержишь тут и мыслей хоровод.

* По Библии, другое имя Сатаны.

** По Библии, сын Адама, убивший
своего брата Авеля. Это было первое
убийство в человеческой истории.

С незрячих глаз лия потоки слез,
С Востока он теперь пророка ждет.

Был в древности рожден от Солнца гунн,
От гунна – я, как пламя, вечно юн.
Я ликом чист, глазами я раскос,
И, пламенея, жду я свой канун.

О, не грусти, слепец мой, дай мне срок,
Я Солнца сын, верней, его зрачок.
Иду я к вам, пылая словно весть,
Рожденный гунном солнечный пророк.

Слепец несчастный, ты глаза раскрой
С Востока я иду к тебе с зарей.
Иду к тебе, я – призванный пророк,
Дождись меня, готовься к “Отходной”.

Я – свет с Востока, радостный восход,
Мой голос сотрясает небосвод.
Над миром всем сгустился мрак ночной,
Дам миру свет я, Солнце вновь взойдет.

В кромешной тьме печален плач осин,
В кромешной тьме рыдает ночи сын.
В кромешной тьме – луч солнца золотой,
То я иду, пророк и Палладин.

Перевод А. Кодара.

УПОКОЙ МЕНЯ,
СМЕРТЬ, УПОКОЙ!

Нет сил моих больше, устал я вконец,
Клубятся и тучи, что цветом в свинец,
И ветер лениво нам взвояет о том,
Что кто-то вот умер: как жизнь коротка,
Мы также все бранны, как те облака...
О, ветер, не надо жалеть ни о ком.
Прошу, успокойся, и плач свой уйми,
Ведь смерть – это радость, ты это пойми.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Одна на опушке, дрожа на ветру,
Росла молодая березка в бору.
Ее донимал только ветра напор.
Вся в листьях, как в серьгах, звеня, шелестя,
Пленяла собою она, как дитя.
Так что опечалить могло ее взор?
Упала березка однажды вповал,
Один только ветер над нею рыдал.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Подняв над собою трепещущий флаг,
С клинком, от которого в ужасе враг,
Напором, подобный разливу реки,
Юнец черноглазый насуплен и хмур,
С врагами сражался, чтоб выбить в них дурь,
И в битве со звоном встречались клинки.
Погиб тот юнец, хоть возрастом мал,
Над ним только ветер молитву читал.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Убогая степь, всюду пустошь одна,
В убогой степи только тропка видна.
Там путник идет по тропе, одиноч.
Идет день и ночь, ему важно дойти,
Вся обувь истлела на этом пути.
И вот, наконец, заалел вдруг восток.
Но путник наш умер, хоть близок был дом,
Занес его ветер прохладным песком.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

С румянцем на щечках, что очень к лицу,
С учтивою речью ласкающей слух,
С кудрями, что вьются лозой смоляной.
А смех ее звонкий, как жемчуг вразброс,
Она как цветочек, что только пророс,
Пятнадцать ей лет стало этой весной.
Она в тишине пролила столько слез,
Уйти ей из жизни в печали пришлось.
Душа моя млеет от блажи такой!

Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Ребенок лопочущий, ангел земной,
Он всех рассмешит, такой милый, смешной.
О чем-то толкует, что нам невдомек.
Он крохотней ягод, нежней тростника,
О горечи жизни не знает пока.
Источник надежды, любви родничок.
Но сглазили, видно, не стало мальчика,
Лишь ветер тоскует о нем без конца.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Волнуется озеро в дальней дали,
Жемчужные волны накатом пошли.
На дне этих волн, не поймешь толком где,
Воздвигнуты юрты – числом шестьдесят,
Завесы из шелка сверкают, блестят.
А там, за завесой, в прозрачной воде,
Волнистые волосы в юртах видны,
С нагими телами повсюду они.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Отрада для глаз, удалой мальчуган,
Любовью родительской он осиян.
Спустился наш мальчик на самое дно.
Пошел он по юртам, к красавицам тем,
Он их обнимал... да и умер затем.
И ветер об этом от волн лишь узнал,

А скорбь поглотила бескрайняя даль.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Идя с мальчуганом сквозь чистый поток,
Возьму я красавицу под локоток.
С юнцом удалым навсегда подружусь.
Сквозь волны шагая с березкой младой,
Мальца приласкаю с отцовской тоской,
И с путником я разделю его грусть.
Пусть тоже умру я скорей, как они,
Не стану жалеть свои юные дни.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Возьми на колени меня, как мальчика,
Целуй меня сладко, целуй без конца.
Приди же, о, смерть, прошу, поскорей.
Вот замерло сердце, лежу не дыша,
Взлетать перестала бунтарка-душа,
А некогда не было духа бодрей.
Возьми на колени меня и целуй,
Баюкая волнами, шепотом струй.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Перевод А. Кодара

Д

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

рофа перелетная песню допела,
Совсем молодая, уже овдовела,
И также, желтея, вдовеет земля
И плачет: ушли мои светлые ночи,
Тьма все обложила, день белый короче,
И лето в чужие умчалось края.
Черно одеянье.

Все небо за грозными тучами пряча,
Грядет непогода, омоет, оплачет,
Живьем заколотит страданицу в гроб.
К слезам только слезы придут, и завоет
Прославленный ветер над палой травой
И бросится вдруг в предпоследний галоп.
Прощай! До свиданья!

Березка на горке, открытая ветру,
Уже облетела, дрожит каждою ветвью
И, корнем цепляясь за гиблый песок,
К земле прилегла, и в постели убогой
Тихонечко молит у здешнего бога
Себе сострадания на волосок,
Но нет состраданья.

Стоит карагач – многожильный вояка,
Единым листом не украшен, однако,
Под ветром не клонится – не побежден,
При нем времена и похуже бывали,

Гго ураган даже вряд ли повалит –
Он к этому месту навек пригвожден
Другим в назиданье.

А я? На кого я похож? С кем сравниться?
Ни ветер, ни туча, ни осень, ни птица –
Я сам по себе позабыт, одинок –
Ни райский цветок, ни исчадие ада...
Я смертен – вот главная нынче досада.
Заплакать любой пригодится предлог,
Любое желанье.

Я думал, что силам не будет изводу,
Но кровь превращается в желтую воду,
А красные яблоки девичьих щек
Сменяются на бело-серую бледность,
Богатство – на невыносимую бедность.
Я радость от жизни меняю на шок...
Шаманье камланье.

Сегодня поплачу. О сладкие слезы...
Когда я умру, не умрут ли березы?
Останется ли карагач вековать?
Красотки еще поживут безмятежно?
Округу порадуют пением нежным?
Подковы кузнец еще будет ковать?
Остались желанья!

Когда я устану от всей круговерти,
Когда я улягусь в обнимку со смертью
На черную землю под зыбкий песок,
Кто плакать останется – не надо мною –
Над нашею брэнною долей земною?
Один Милосердный с бездонных высот.
Одно упованье!

Перевод Т. Фроловской

Александр Блок,
Сердцем, как уголек,
В надежду лишь верил одну.
Погружаясь в печаль,
Он все Даму искал,
Терзая ночами луну.

Он искал ее днем,
Ночью – чуть не с огнем,
Покоя и сна он не знал.
Александр Блок,
Сердцем, как уголек,
Пытал молчаливую даль.

Звал ее – “Идеал”,
В грезах к ней лишь взмывал,
Был Блок заморочен, ей-ей!
Если Дама – цветок,
Соловьем ей был Блок,
Без устали пел соловей.

Заливался все Блок,
Пел ей гимн свой, как мог.
Вплетал и страданье и свет.
Вот и жизнь уж прошла,

Плюхи Блока дела,
От Дамы известий все нет.

Дни за днями бегут,
Ночи молча текут,
Закончился сладостный гимн.
Болен, сир, одинок,
Что же видит наш Блок?
Старуха стоит перед ним.

Вот тебе идеал,
Вот что ты все искал,
Развеялось это все в дым.
Сердце, как уголек,
Только плачет наш Блок,
Он понял, что был нелюбим.

Идеала-то нет,
А старуха есть смерть,
Как смотрит, карга, из-под век?!
Жизни свет в нем угас,
Гимн заглох в тот же час,
Только “Дама” осталась навек.

Перевод А. Кодара

И ГУЛЬСУМ

Из нежного ветра, что дует в раю,
Из лучших соцветий в родимом краю,
Красивая женщина сотворена.
Но сослана в быт, не на время, навек,
Она – подневольный теперь человек,
Загублена этой судьбою она.
Прекрасной той женщины имя – Гутьсум,
Она, как загадка, тревожит мой ум.

В раю есть родник, чья вода горяча,
Клубится вверх пар золотой из ключа,
И ангелы Богу осанну поют.
Из вод серебристых того родника,
Из шепота листьев на всех языках,
Из божьего света, вся нега, уют;
Из ангельской сути она рождена,
Лишь небо ее есть родная страна.

Алмазные крылья ее так чисты,
Страна ее – небо, обитель мечты.
Но землю увидев, потопшей в крови,
Она, как кинжалом, была пронзена.
Увидела степь, что страданья полна,
Где люди, как волки, живут без любви.
Людей пожалела, на землю сошла,
Сошла и исчезла в обители зла.

Людей пожалела, на землю сошла,
Летала повсюду, блистали крыла.

Любила того, кто страданьем томим.
Смеялась, когда людям нужен был смех,
Делила и смерть, если все шли на смерть.

Она согревала дыханьем своим.
И, вытаскив многих из пыли и ям,
Прошла по бедовым житейским морям.

Жемчужною пеной чаруя наш взор,
Обманом морской привлекает простор.

А бросишься в воду, пучина там ждет.
Жизнь – это море, где сверху волна,
А в глуби – пучина без края и дна.

Кто хочет в пучину – стать жертвою вод?
Пучина смеялась, она и вошла,
Войти не успев, в тот же миг умерла.

Она умерла, пролетали года,
Она умерла, нет от песен следа,

И, в сумраке сером, блистая крылом,
Она пролетала над грешной землей,
Тоскуя о небе ночью порой,

С печальной песнею, что о былом.
Хоть крыльев был твердым все так же алмаз,
Горючие слезы струились из глаз.

Люблю я стихи, что волненья полны,
Меня восхищает сиянье луны,

Поэт я, наперсник возвышенных грез.
В опасное время на гиблом пути
Я шел, полагая, что надо идти,
И, вечером как-то, в час неба без звезд,

Я словно увидел зарю иль закат,
Души ее свету, увидев, был рад.

Был голос ее, словно дивный хорал,
Лицо ее чистое нимб озарял,
И слуху и зренью в усладу дана,
Она покорила собою меня.
К ней я подошел, словно к снопу огня,
Сказал: «Уведи меня в небо, Луна!»
Она на меня не взглянула никак,
Мое юное сердце окуталось в мрак.

Сказала: «Я смерти заложник живой,
Оплакали ангелы смерти день мой!»,
Взглянула на миг и исчезла, ушла.
Но свет этот райский, сиянья овал,
И голос прекрасный, в котором – печаль,
Остались со мною, как горстка тепла.
Пусть будут манит меня сотни чудес,
Навечно со мною теперь эта песнь.

Из ангельских песен, чарующих слух,
Из моря любви, возвышающей дух,
Красивая женщина сотворена.
Но сослана в быт, не на время, навек,
Она – подневольный теперь человек,
Загублена этой судьбою она.
Прекрасной той женщины имя – Гульсум,
Она, как загадка, тревожит мой ум.

Перевод А. Кодара

ВОСТОК

Восток раскосый, что стоишь?
Ты же гора тут, а не мышь!
Очнись же, великан!
Пусть стонет вновь земля! Вперед!
На Запад будет твой поход!
В крови там много стран.

Ах, Запад весь теперь в пыли,
То кровь рекой течет вдали.
И – громы канонад.
Власть знаний там несет раздор,
Как жив еще он до сих пор,
Востока дальний брат?

Он морем был, весь в реве волн,
Он рвался к небу, страсти полн.
Теперь – в останках скал.
Теперь чахоточный, больной,
Он озирает круг земной,
Найдет ли, что искал?

Исчадья ада, сатаны,
Пусть сдохнут на полях войны,
Гордыни злой итог.
И на закате его дней,
Став и сильнее, и юней,
Проснется мой Восток.

Восток раскосый, встрепенись,
Последним будет этот риск
 Пойдем на Запад мы.
В знаменах реющих, крича,
В литавры медные стуча,
 Войдем мы в царство тьмы.

Развеем в прах мы город сов,
Детей же обратим в рабов.
 Нет, так нельзя теперь!
Мы город обратим в цветник,
Детей же их – в детей своих,
 Откроем в милость дверь!

Бедняг заблудших, что с пути
Сошли, не в силах путь найти,
 Наставим мы на путь.
На путь Востока, что широк,
Для всех, кто сир и одинок.
 Лишь в нем – и свет, и суть.

Вон в море вдруг возник прибой,
Восток мой поднял рев и вой,
 Мой видит зоркий глаз.
В знаменах реющих, крича,
В литавры медные стуча,
 Возникло войско в раз.

Эй, гиблый Запад, что стоишь?
Гора твоя родила мышь,
 Уйди с пути долой!
Иль вот тебе моя рука,
Коль хочешь жить наверняка,
 Последуй впредь за мной!

Перевод А. Кодара

ПОГОНЯЙ ЛОШАДКУ, САРСЕМБАЙ!

Погоняй же коня, Сарсембай!
Мы поедем в родимый мой край!
До зари мы уедем с тобой.
Погоняй же, скорее, коня,
'Ох, достала учеба меня,
А так в город бы я – ни ногой!

Оглянись, у тебя позади
Он разлегся, как сумрачный див,
Это город – громада громад.
Он таится в тумане ночном,
Дышит дымом, угаром, огнем;
Его очи недобро блестят.

Столько шума в нем, гама, возни,
Столько всякой дурной болтовни,
Столько вони, что крикнешь: “Ойбай!”.
Так чего озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
Погоняй же коня, Сарсембай!

Женщин их ты ничем не проймешь,
Обожают измену и ложь,
Строят глазки на каждом шагу.
Бледнолицы как немочи взвар,
С тусклым взглядом, забывшим про жар,
Их мужчины – на радость врагу.

Не найти в них горячих сердец,
Идеал их: скорее поесть, –
 Кабаны, секачи-хрюкачи.
Дети ночи, им ночь лишь приют,
Лишь в вонючих коробках живут,
 И общаются только в ночи.

Небесами ты их не возьмешь,
Посмотри, сколько радостных звезд!
 Вон Луна улыбается: “Ай”.
Во мне город рождает лишь боль,
Быть в разлуке со степью доколь?
 Погоняй же коня, Сарсембай!

Потянуло, что ли, ко сну?
Сарсембай, спой хоть песню одну,
 Ту, которая нас встрепенет!
Скоро буду в родном я краю,
Где любивших меня я люблю,
 Сердце, ну же, отправься в полет!

Сарарка, ты же – светочь души,
Ты – моя бескрайняя ширь,
 Я всей грудью к тебе припаду.
Ветерок твой обнимет, как шелк,
Будет дорог мне каждый глоток
 Из ключа, что течет на меду.

Не хочу озираться назад,
Мы вдали ли от города, брат?
 Успокой же меня, дух придай!
Нам нельзя озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
 Погоняй же коня, Сарсембай!

Перевод А. Кодара

Я ЮНОЙ КРАСАВИЦЕ

– поэт, я, как поток,
Теку, в себя влюбляя.
Я – поэт, огня приток,
Я неба достигаю.

Черноглазка, прячь свой взор,
Не требуй поцелуя.
Увлечет тебя напор,
Лаская и милуя.

Я – поэт, я – ветерок,
Я – весь полет, стихия.
Я – игривый мотылек,
Люблю цветы любые.

Не печаль свой ясный лик,
Нет ветру в сердце места.
Соблазна полн его язык,
Лишь степь – его невеста.

Я – поэт, в стихах горяч,
Когда я вдохновенен.
Я – поэт, мой горек плач
В печальный день осенний.

Не дари мне этот взгляд,
Не обнимай, не надо.
Не целуй меня, мой яд
Отравит твою радость.

Пойми, с тобой меня уж нет,
Мне даже мир весь тесен.
Я – лишь ветреный поэт,
Источник слез и песен.

Перевод А. Кодара

ЛЮБИЛ Я
В ТОТ МОМЕНТ

Тебя увидя, подошел,
Тебя красивой я нашел.

“Люблю тебя, ты как из грез,
Сгорает сердце, жар в крови,
Ты, верь, люблю и в знак любви,
Беру в свидетели я звезд!”

За пояс я тебя схватил,
Мой поцелуй тебя пронзил.
Дрожа, волнуясь, ты стоишь.
Ко мне ты близко подошла,
А подойдя, ты не ушла,
Вошла в объятия мои.

В глазах твоих такой был свет,
Ты не могла сказать мне: “Нет!”
Нам стало страсть не побороть.
В какой-то миг, сойдя с ума,
Ты прошептала: “Я – сама!”
И мы слилися к плоти плоть.

Но путник я, мне нужно в путь,
Скакун успел уж отдохнуть,
Чего же сиднем мне сидеть?

Я ветром был, я полетел,
Я многих полюбить успел,
 А вот тебя забыл, мой свет.

Меня сегодня увидав,
Ты подошла и руку взяв,
 С укором смотришь на меня.
И говоришь: “Ты не любил,
Зачем меня ты поманил,
 Ты обманул меня, маня”.

Ах, нет тебя я не манил,
Тебя я в тот момент любил,
 Поверь мне, дева, что из грез.
Клянусь, я в том тебе не вру,
Любил тебя я в ту пору,
 То подтвердят вон сонмы звезд.

Перевод А. Кодара

Б К...
Будто степная колючка,
В сердце вонзилась любовь,
Каплет из раны горячая,
Юная жаркая кровь.

Но заживает незримо
Рана в девичьих устах,
Без поцелуя любимой
Мир превращается в прах.

Пусть опьяняет с отрадой
Мед его сладостный вновь,
Пей, мое сердце, отраву
С милым названьем – любовь!

Перевод В. Шестерикова

Г В ЧАС РАССТАВАНЬЯ

Год прошел, как был разлит тобою
Сладкий яд любви в моей груди,
Думал ли с такой душевной болью,
Что разлука ждет нас впереди.

Сердце разрывается на части,
Душу мою мучает вопрос,
Почему не умер я, несчастный,
Когда лился жемчуг твоих слез.

Знаю, навсегда меня покинешь,
Переплыв серебряный Итиль,
Для тебя я б стал рекою синей,
Превратился б, ног коснувшись, в пыль.

Стало горьким наше расставанье,
Мы с тобой не властны над судьбой,
До свидания! Руку на прощанье
Дай мне, верблюжонок милый мой!

Перевод В. Шестерикова

В ОСЕНЬ

Ветры осени грабят леса,
Взянет пышного лета краса,
Ветви скрючились, листья пожухли,
Иней блещет в траве, не роса.

Глянешь – дали темны от дождя,
Птиц не слышно – знать, нет им житья.
У огня стариков в каждой юрте
И старушек увидишь, войдя.

Где ты, жаркий ковер травяной?
Ноги холод объемлет, не зной.
Стала нищенкой дряхлой природа,
Что цвела, обольщая, весной.

Время вспять эту нищенку шлет,
В ней не скоро краса оживет.
Со слезами жестокою зиму
Все живое и мертвое ждет.

Ну, а в городе – там, как всегда,
Деловая царит суета.
Мчит вдоль улицы стайка студентов –
Книги в сумках, смеются уста.

Им по сердцу любая пора.
Отделят они зло от добра,
Умудренными станут мужами,
И да будет судьба к ним щедра!

А в ауле на взрослых людей
И на их босоногих детей
Наглядишься, и в сердце проснется
Боль-тоска незапамятных дней.

Здесь наук и ремесел не чтут,
Здесь невеждами с детства живут.
Как огня, избегающий знаний,
Всяк умен лишь на выборах тут.

Обучать сыновей им когда?
Ссоры, тои, байга, барымта...
Глазом в завтрашний день ненароком
Хоть один заглянул бы из ста!

Там, где все обучают детей,
Там и облик народа светлей.
Как скотина, жующий да пьющий
Оскорбляют собою людей.

Край невежд, ты себя погубил!
Кто не грабил тебя, не гнобил?
Смерть близка, замирает дыханье,
Пот со лба утереть нету сил...

Перевод В. Антонова

М СОН

Мой взор не видит ни луны,
ни солнца,
Свет дня давно погас в моем оконце.
Я не пойму, чему так рады люди,
Лишь жду тот миг, когда свой срок закончу.

Я полон сил напрасных и нелепых,
В тюрьме зачем мне эти мощь и трепет?
Я сна лишь жажду, словно утешенья,
И то смыкаться не желают веки.

Перевод А. Кодара

ВЕСНОЙ

День настал! Тебе ж все спится,
Озорница... баловница!
Пробудись, ягненок мой,
Сон стряхни, лицо умой! –
Так заря будила Землю,
А земля лежала, дремля,
В блеске утренних лучей.

Вот тихонько шевельнулась,
Потянулась и проснулась.
Только медлит встать,
Шутя, непослушное дитя!
И щеки её касаясь,
Мать склонилась, улыбаясь,
И целует горячей.

И, откинув одеяло, степь под солнцем засияла,
И бежит вода, звеня,
И смеется в свете дня,
Рассказать о чем-то хочет
Как ребенок, все лопочет,
Разливается ручей.

Свежею водой умылась,
Празднично принарядилась.

И красуется Земля,
Радуюсь и веселя
Разнотравьем и цветами,
Многоцветными шелками,
Многозвучием речей.

И с нее, своей отрады,
Целый день не сводит взгляда
Солнце, ласковая Мать,
Не устанет обнимать,
Целовать и любоваться –
Им теперь не расставаться
До вечерней темноты!

А у края неба тучи
Шепчут, собираясь в кучи:
Сочтены, мол, наши дни,
Бесприютны мы, одни,
Нас никто не приласкает.
Видишь, слезы проливают
И роняют с высоты...

Перевод А. Жовтиса

Р ПЕСНЬ ВОИНА

Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой бьется на ветру!
В руке – копье, свидетель битв,
Он помнит жаркую пору!
Моя страна, я весь киплю,
Ты – мой огонь, а я – твой трут.
Да буду жертвою твоей,
И в дикий холод, и в жару!
Не отступал перед врагом,
То помнит солнце поутру.
Бояться молнии не след,
Я вижу в ней свою сестру.
Теперь на всё идти готов,
Со смертью я веду игру.
Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой бьется на ветру!
Копье надгробьем станет мне,
Коль в схватке я за честь умру.
Свидетель подвигов моих,
Упрямый, мощный, верный друг!
Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой бьется на ветру!

Перевод А. Кодара

ММЕЧЕТЬ И ТЮРЬМА

Мальчик:
Отец, родной мой, что за дом такой?
Такой надменный и такой большой?
Тот, кто взойдет на башню с длинной шеей,
Небесных тайн познает, верно, рой?

Отец, кто ходит в этот тихий дом?
Что за особа остается в нём?
И если с неба льются откровения,
Кому они назначены, о чём?

Отец:

Мечетью этот дом большой зовут,
Как будто предков соблюдая путь,
Сюда идут, чтоб поваляться в прахе
Все воротилы, в них такой есть зуд.
За пять минут поклонов и вставаний,
Хотят, распутны, Бога обмануть.
И муэдзин с утра поющий сладко,
Себе мечтает брюхо лишь раздуть.
Да, этот дом не Дом Небес, а рынок,
Где пред монетой звонкой все падут.

Мальчик:

- Отец, смотри, вон мрачный дом стоит,
Он неприступен и жесток на вид.

Окно черно, дверь, словно ров могильный,
Кровь, что ль, на стенах и на тверди плит?

Отец:

– Есть юноша, его зовут «Мечта»,
Он весь из света, с песней на устах.
Его стихи всем дарят вдохновенье,
Жемчужны крылья и любовь чиста.
Его призванье – пробуждать стихами,
Его обитель там, где высота.

Не делит он людей на близких, дальних,
Для всех поет, летая и кружа.
Творец всего он и всего начало,
Им в плоти нашей рождена душа.
Дом этот скорби мир зовет тюрьмой,
Мир – дуб, а смертных я сравню с свиньей.
Знай, этот дом есть для мечты могила,
Иначе, склеп для пламенных душой.
Смотри, вон страж вышагивает как,
Сомкнул он брови, хмурясь, словно мрак.
Безумец, рад Мечту он караулить,
Ей уготовив острожной барак.

Но где Мечта? Она – творец чудес,
По-прежнему посланница небес.
В полете вечном, в души льет надежду,
Чтоб интерес в них к жизни не исчез.

Сей дом – тюрьма, любимица оков,
Насилия и мерзости покров.
Довольны, что Мечту в неволе держат,
Как не смеяться над толпой глупцов?..

Перевод А. Кодара

К ЦЕНА БЫЛОГО

Каждый прошлое рад восхвалить,
Оно, словно пора золотая.
Или это привычка любить
Невозвратное что-то, не знаю...

Старики лишь о прошлом твердят,
Они хвалят его, превозносят.
Новизна не чарует их взгляд,
На все новое пыжятся косо.

Только в прошлом – всего образец:
И суда, и закона, и чести.
Там и ангелы сходят с небес,
И шаманов сбываются вести.

Все прошедшее дорого нам,
Так и мать про покойного сына
Вспоминая, не верит глазам,
Что он умер, что нет его ныне.

Он как лучший из лучших, хоть мал,
И умен, и приветлив, и сладок.
Он в два года такое сказал,
Что секреты раскрыл всех загадок.

Новизне редко дарят почет,
Пусть в былом нет ни правды, ни чуда,
То, что рядом, людей не влечет,
Только прошлое нравится людям.

Перевод А. Кодара

Ее лик ослеплял, словно солнечный смерч,
Была, словно из шелка, волшебная речь,
И белели, лучась, два алмазных крыла.
Все живое вокруг, чтоб увидеть живьем,
В удивленьи большом окружило ее,
А она, улыбаясь, им рада была.

Осиянные светом, почтенья полны,
Затаивши дыханье, стояли они.
И, казалось, что счастью не будет конца.
Те, кто света не видел, был жертвой невзгод,
Исодетый, голодный и бедный народ,
Для веселья открыли умы и сердца.

Загорается быстро и гаснет легко,
Человек на решенья глупые скор,
Не за это ль был изгнан из рая Творцом?
Вот пришел он в себя, вновь достаток обрел,
И так к свету привык, так вошел в эту роль,
Что за старое взялся, к стяжанью влеком.

Снова побоку честь, нагулял аппетит,
Божий суд и людской вновь его не страшит,
Про свободу забыл, что так тяжко далась.
Снова топчет других: всюду плач или вой,
Снова всюду резня, кровь повсюду – рекой,
Снова ложь и грабеж, вновь убийства
и грязь.

Вновь подонки в ходу, коих выгнали вон,
Чьи сердца, словно гниль, источают лишь вонь.
Вот кто ныне достиг своей цели опять.

Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
Снова хрюк издают кабанов пятачки,
Снова гостью с небес они жаждут изгнать.

И ругают ее, и зовут сатаной,
И идут на нее дружной в злобе стеной,
Вновь повсюду вражда восстает из золы.
У посланницы рая поблек ореол,
Над священной гостью – толпы произвол,
В пятнах грязи и крылья, что были белы.

Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
Снова хрюк издают кабанов пятачки,
Торжествуют, смеются: сбылась их
мечта.

А свобода, расправив два белых крыла,
Приготовилась взмыть в край, не знающий зла,
Как и прежде, невинна, как и прежде,
чиста.

Перевод А. Кодара

В ПАПИРОСА

руке – папироса,
Стряхаю вопросы
Вместе с пеплом в горшочек, что пуст.
Забывшись порою,
Я в дым весь зареюсь,
И дымом, что густ, захлебнусь.

Жизнь – речки быстринка,
Надежда – тростинка,
Я поплавать в быстринке решусь.
Но только я – в воду,
Хоть мелко здесь вроде,
Неожиданно я захлебнусь.

Забывшись порою,
Я в дым весь зареюсь,
Буду кашлять от дыма, что густ.
Жизнь – хрупкость тростинки,
Надежда, как льдинка,
Яд приму и умру, задохнусь.

Перевод А. Кодара

П

БЕРЕЗКА

Печальная березка,
Тебе зимой непросто.
Под ветром наклоняясь,
Забыла ты про тишь.
О чем-то шепчешь, шепчешь,
И вся дрожишь, дрожишь.
А ветер зол и гневен,
В порывах очень жестких.
И, будто ветра мало,
Ты терпишь снег устало.
Покрыл тебя он густо,
Как саван, бел и сух.
И так тебя сжимает,
Что вынимает дух.
Придет ли лето, о, березка,
Когда воды напившись чистой,
Распустишь пышно свои листья?
Когда качая твои ветви,
Завует нежно ветер летний?
Когда задремлешь потихоньку
От птичьих песен очень звонких?
Но ныне ты грустна, угрюма,
Так и застыла в тяжких думах.
Ушла ты вся в мечты о лете,
Тебя буран плевками метит.
Я одного тебя желаю –
Пусть Бог твою печаль заметит.

Перевод А. Кодара

Ч * * *
Что есть любовь? Колючка, шип,
Вонзенный прямо в сердце.
Любовь есть рана для души,
Чья боль – причина бедствий.

Излечит быстро эту боль
Лишь поцелуй медовый.
Иначе ждет другая роль –
Ты истекаешь кровью.

Любовь – отравя, сладкий яд,
Пьянящий сердце разом.
Не привлечет ничто уж взгляд
И не пробудит разум.

Лишь пьешь и пьешь и слезы льешь,
И не проснешься даже.

Перевод А. Кодара

С * * *
струи черных волос,
Брови, в коих вопрос,
Лоб – округлой дугой.
Блеск горячих очей,
Кожа – снега белей...

После встречи с такой,
Страсть познав, словно смерть,
Можно и умереть,
Можно и на покой.

Перевод А. Кодара.

Н ПОСВЯЩЕНИЕ Г...

Не радуя солнца игрой,

Не теша цветов красотой,

 Прошло ты, лето, скорей.

Увяли деревья, цветы,

Озера, усохнув, пусты.

 Не слышно даже гусей.

Ты – диво меж явью и сном,

Мне встретила в круге земном.

 Сгораю от страсти теперь.

Была ты гостьей с небес,

Я жаждал, чтоб сон не исчез,

 Но в неба закрылась мне дверь.

Перевод А. Кодара.

Я, БЫСТРО ПОЛЕЧУ
баловень степных долин – орлан,
Алтай, Урал, как два моих крыла.
Я – вольный воин золотой степи,
Бесстрашие она мне придала.

Отец мой, если спросишь, великан,
А мать моя мудра на сорок стран.
И, если тигром зарычу на вас,
Ваш устоит ли трусов караван?

На скакуна, взяв знамя, я взлечу,
Поднявши саблю, я на бой хочу.
Пусть мир меня узнает и почитит,
Познаю удаль и пыланье чувств.

Во мне дух предка возродится вновь,
Очищу степь я от былых врагов.
Мои потомки, повзрослев, начнут
Царить повсюду, где есть трон и кров.

Алтай, как мать, молитвами почту,
Отец, исполнил я твою мечту.
И чтоб припасть к твоей седой груди,
Я, торжествуя, быстро прилечу.

Перевод А. Кодара.

М. ДУЛАТОВУ
НА ВЫХОД ИЗ ТЮРЬМЫ

Какая радость – мрак ночной прошел,
Златое утро всходит на престол.
Господь услышал горестный наш плач,
И к нам на помощь в доброте пришел.

Свободы птица к нам вернулась вновь,
Ей удалось уйти от всех стрелков.
Взошло вновь Солнце в радостных лучах,
Спасибо Богу за его любовь.

Светила лик порой покроют тучи,
Но через миг разогнан рой летучий.
Так и джигит, он лишь крепчает в бедах,
Он, как скакун, его камча не мучит.

К нам вновь лицом удача повернулась,
Пусть поздновато, но она вернулась.
Что ж, прошлое прошло, теперь в дорогу,
Быстры, сильны, нас не укараулить.

Перевод А. Кодара

М ПРОЩАЛЬНОЕ

Моя любовь отравой была,
Зачем меня любила, не гнала?
Зачем и сам не думал я уйти,
Зачем в любви сгорели мы дотла?!

Меня любя, не видела других.
А я не видел горьких слез твоих.
В них чувств чистейших были жемчуга,
Зачем не умер в жертву я за них?!

Я знал: сегодня бросишь ты меня,
Уйдешь по Волге, волн серебро гоня.
О, ангел мой, я полуброшен здесь;
Отринула, сумей и жизнь отнять.

Ну, все, прощай, в знак дружбы руку дай;
Моя рука дрожит, не замечай.
О, Гуль... нет силы дописать стихи,
С горчащим сердцем вывожу: "Прощай!"

Перевод А. Кодара

Б * * *
ез цветка в гуле дней,
Зимолчал соловей.

Он стал так... – серый птах, стал нелеп.
Жизнь в молчаньи – тоска,
Печь, где нет уголька.
А без пламени сердце, как склеп.

Перевод А. Кодара

М * * *
ысль – это яд,

Так утоляет жажду.

Мысль – это яд,

А яд снесет не каждый.

Мысль – это яд,

В нем столько опьянения,

Мысль – это яд,

Готовься к омертвенью.

Подобна морю мысль,

Валы натужно гонит.

Подобна морю мысль,

Волнуется до стога.

Подобна морю мысль,

Без края, дна теченье.

Подобна морю мысль,

Цена лишь жизнь влеченью.

Отравлен мыслью я,

Теряю, значит, разум,

Отравлен мыслью я,

Знать, в сердце есть зараза.

Отравлен мыслью я,

Горю я чисто, ясно.

Отравлен мыслью я,

Увяну и погасну.

Перевод А. Кодара

Е ОБМАНУТАЯ КРАСАВИЦА

Еще вчера сияла ты полною луной,
Взгляд черных глаз всех поражал игрою
колдовской.

Была ты белокожа как тополиный пух,
Казалось, виноградной вьешься ты лозой.

В поре своей невинной была ты так чиста,
Дарили исцеленье слова в твоих устах,
Следам пророка были подобны и следы,
Была в них та же святость и та же высота.

Но ныне и в помине нет красоты былой,
Маральей самкой смотришь, что сражена
стрелой.

Ты очень сожалешь, сгораешь от обид,
Поддавшись жаркой страсти, беспутной
и хмельной.

Была уловкой лисьей соблазнена ты в миг,
Забыла ты о завтра, впадать не стала в крик.
Ни чести нет отныне, увяла и краса,
Теперь в беде ты вечной, покрыт позором лик.

Теперь тебя в народе распутницей зовут,
Никто с тобой не хочет пройти совместно путь.
Не плакать ты не в силах, ты вся ушла в свой плач,
Как будто можно плачем красу и честь вернуть.

Перевод А. Кодара

К Я ПОВЕРЯЮ ВАМ...

Когда я рад, забуду обо всем,
Не раз людьми обозван был глупцом.
Когда грущу я, мрачен как в аду,
Но я отходчив, не живу я злом.

Когда смеюсь, смеюсь я без ума,
Когда я плачу, всюду только тьма.
Когда враждую, кровь пролить готов,
Когда дружу, я – жертвенность сама.

Я женщину не так люблю, как вы,
Сгораю в миг я на костре любви.
Душа важна мне и важна мне плоть,
Я душу с телом стисну до крови.

Она смеется, я – еще звончей,
Заплачет если, плачу вместе с ней.
Оставшись враз без тела и души,
Умрет она, но я умру быстрее.

Увижу вновь, опять смеюсь, ожив,
Вновь в петлю лезу, разум позабыв.
Жизнь – степь, а я – топочущий малыш,
То оступлюсь, то встану на призыв.

10€

Жизнь, как река, надежда – чебачок,
Словами дурит рыбу ветерок.
Безумец – я, младенец – я, во мне
Надежды пламя пересилит рок.

“Я сам Господь и сам себе слуга”,
Порой и Бога числю во врагах.
Но если что случится вдруг со мной,
К нему иду я в горестных слезах.

Ну, вот читатель, я раскрылся весь,
Ты красок лишних, лжи не встретишь здесь.
И что в ответ? Улыбку вижу я
Ослиной пасти... Вот весь интерес.

Перевод А. Кодара

ОДА
ГЛАГОЛЬНОЙ РИФМЕ

Бедняга квёлый – “пропустил”,
В раздумьях что-то – “отпустил”,
Отраву пил – “не запустил”,
В кустах играя – “не грустил”.
Надежду вечно он – “растил”,
Был одинок, но всех “простил”.
Что за стихи с концом на “сти”?
К чертям! Пойду овец пасти!

Перевод А. Кодара

Р ДРУЖБА И СЛЕЗЫ

Рождает дружбу пьянства транс,
Два пьяных – это дружбы шанс.
Как выпьешь, сердцу горячо,
И слезы льются в дилижанс.

Болезнь рождает дружбы цвет,
Больного лучше друга нет.
Жалея, плачем вслед ему,
И слёзы капают в кювет.

А тот, кто трезв, тот зверь лесной,
Здоровый – это не больной.
И трезвый дружбу не поймет,
Он слезы лить не станет, злой.

Перевод А. Кодара

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТ

Смотрю в окно и вижу Вас,
Лижу потом я карандаш.
Размеры, строки подсчитав,
Иду спокойно я на марш.

На стих нацелен я всегда,
Не дописать стихи – беда!
Не знают люди, Бог простит,
Краду у Фета без стыда.

Перевод А. Кодара

О, ГОСПОДИН!
О, господин наш, господин!

По дому видно, важный чин
Тут проживает... Знатный дом!
Какая роскошь! Блеск один!
Берете, видно, Вы с людей,
Охоч давать простолюдин.
Не перейду я к Вам на ты,
Скажу как чёрту только: “Сгинь!”

Перевод А. Кодара

З * * *
вон-звон, перезвон,
Я звоном этим возбужден.
Как россыпь, что из серебра,
Стучится тонко в сердце он.

Звон-звон, перезвон,
В крови моей горит огонь.
Снаружи слышен, как вблизи,
За девушкой звучит вдогон.

Звон-звон, перезвон,
Берет звон сердце в свой полон.
Охвачен пламенем, горю,
Войди же, ангел, звону в тон.

Звон-звон, перезвон,
Попал теперь я, обречен.
Я таю от медовых слов,
Дай руку мне, губами тронь.

Звон-звон, перезвон,
Я звоном этим покорен.
Звон в тихий шепот перешел.
Звон-звон, перезвон...

Перевод А. Кодара

И ВОЛНА

И з волны родится волна,
Догоняет подружку она,
Друг за дружкой вдогонку бегут.
И, как будто тоскуя о ком,
В нескончаемом споре лихом,
До утеса в раздоре их путь.

Там волна поверяет волне
Свои тайны, что были на дне
Их ранимых и нежных сердец.
Жемчуг пены блестит, как веноч,
Извиваясь в воде, как вьюнок,
До утеса дойдут, наконец!

Детским лепетом дивным журча,
Серебром став в потоке ключа,
Ударяются, выдохнув “Цок!”,
Серебром, что по вкусу как мед,
Золотым истечением вод,
Омывают утесу лицо.

Ожемчужены каплями слез,
Омывая слезами утес,
Засмеются, целуя его.

Этот смех их веселый есть плач,
Он – предвестье больших неудач,
 Смех и плач – это смерть ведь всего

Порождая трезвон золотой,
Одну тайну крадя за другой,
 Серебрится волна за волной.
Мед отдавши тому, кто им мил,
Умирают без страсти и сил,
 На дне моря находят покой.

Перевод А. Кодара

В ЛЕТО НАСТУПАЕТ

В еет легкий ветерок,
Набирая силы,
Запасаясь ими впрок
Для отчизны милой.
Небо в золоте плывет
Солнечного света,
Это лето к нам идет,
Наступает лето.

И шелковые свои
Косы расплетая,
Лето золото струит,
С юга прилетая.
Золотистая пора
Добротой согрета –
Радуется детвора
ласковому лету.

А в тени укромной снег
Спрятался от света,
Будто можно по весне
Спрятаться от лета.
Лето ведь не только снег,
Даже лед растопит
И разбрызжет легкий смех,
В юных листьях шепот.

К морю, к озеру, к реке
Ручейков тропинки

Устремятся налегке,
Звонкие, как льдинки.
Брось, малыш, свою игру
В зимнем теплом доме,
Выйди, оглянись вокруг –
Нежится в истоме
Обновленная земля,
Улыбаясь свету,
И готовятся поля
К золотому лету.

Рукоделье кинь свое
В доме, черноглазка,
Выйди, слушай, как поет
Обновленья праздник.
Зарумянятся твои
Яблочками щечки,
Ожидание любви
Душу растревожит.
Загадай о ней, шепни
Лету по секрету:
Верь мне, в считанные дни
Все исполнит лето.

Зашебечут, как в раю,
Птахи, загнездятся.
Вспомнив молодость свою,
Жизнью опьянятся
На земле живые все –
Люди, звери, травы.
В пышной солнечной красе
Зашумят дубравы.
Ветер ласково поет,
Солнышком согретый.
Лето светлое грядет,
Наступает лето...

Перевод Р. Тамириной

П₁ригорок, словно прикорнув,
Овечкой сытою лежит.
Хвоистых сосен стройный ряд,
К вершине вверх стремясь, бежит.
Гольш, источенный водой,
Как курт, рывинками изрыт.
Игрива горная река,
Красотки нрав в теченьи скрыт.
На мелководьи деревца,
Как будто бус округлых нить.
В округе этой, как в раю,
Как можно здесь печальным быть?

2

Днем волны бесятся взыграв,
Их гонит яростный прибой.
А вечером они смирны,
Повсюду в них разлит покой.
Днем верблюжонка был в них пыл,
Брыкались, прыгали горой.
А вечером нисходит тишь,
Закатной чудною порой.
Дневные волны так дерзки,
Влекут отваги красотой.
Бездонны вечером они,
Волнуют тайной разум мой...

3

Блестит и пенится ряд волн,
Усыпан жемчугом их путь.
Рождая грохот, шум и плеск,
Как овцы с привязи, бегут,
Бушуют, бьются о скалу,
Вспенясь жемчужно под скалой.
Стоят, курчавы, деревца,
Понять не в силах стон и вой.
Смотря на волны, я стою,
В печали говоря с собой.
Где Сарарка? Она – вдали,
Зачем я здесь и что со мной?

4

В былые дни гремел Едиль,
Здесь были сказочны леса.
Ногайцы жили в чаще их,
Аргынцев зная чудеса.
В те годы шесть больших племен
Сошлись, хоть Бог их разбросал.
Всё было общим: битвы, жизнь,
Забот единых полоса.
Понятно прошлое, оно
И гордость наша, и краса.
Теперь ногайцев не узнать,
Леса исчезли, как роса.

5

Как будто в россыпи гирлянд,
Едиль пестреет белизной.
А это чаек пестрота
Над величавою рекой.

Вон что-то воду золотит,
То лучик Солнца золотой.
Наш катер к берегу бежит,
А берег – в зелени густой.
Вон в дельте Астрахань лежит
Курчавой тучкой над землей.

6

Построен он Асан Кайгы,
Печальным самым из людей.
Счастливых ханов обойду
Надгробья важные скорей.
Асана я приют найду
И помолюсь в душе своей.
И если скажет: “Будь как я!”,
Зачем искать других путей,
Пусть трон отдаст вам Жанибек,
Асаном стану в беге дней.

Перевод А. Кодара

Поездил по Приволжью,

1

Но захотел тотчас домой.
Казахов видел, босяков,
Чьи шеи давит скарб чужой.
Им озеро теперь, как луг,
Пасут тут рыбин над водой.
В селенье ходят к мужикам
За булкой, словно за едой.
По-русски только говорят,
А ведь у них язык есть свой.
Задуматься уже пора,
Тут не до смеха, дорогой.

2

В приволжском дивном том краю
Есть Байулы – известный род.
Не ездят здесь на скакунах,
На лодках мучится народ.
Не жеребцов здесь, а сомов
Острогой ловят целый год.
Жена и то вон как весло,
С нее загар уж не сойдет.
Вода и рыба – пища их,

Что ж, нищета имеет рот.
Боюсь, что скоро и всех нас,
Друзья, такая участь ждет.

3

В аул на лодке добрались
К закату где-то, вечерком.
Подплыв к лачуге, стали мы,
Спросили громко, чей тут дом.
На окрик вышел аксакал,
Вошли в дом вслед за стариком.
Севрюг с пяток нам поднесли,
Их, как овец, молитвой чтём.
Наевшись рыбы, мы легли
С луной, пошедшей на излом.
“С луной легли” – есть просто звук,
С тревогой, словно в горле ком.

4

Нас бершей приютил аул,
У речки свой раскинув стан.
С восходом – праздник “курбан-айт”,
Зарезан жертвенный баран.
Но вот юнцы, наевшись вмах,
Святой забыли дастархан.
На голове у них – снопы,
Кисет на шее – “талисман”.
Вон вышли дружною гурьбой,
В село на свадьбу, ждет “братан”.
И это всё – народ родной?
И всё, что видел не обман?

Старик, привыкший есть ягнят,
В могилу с рыбой пусть сойдет.
Учтивый, праведный мулла,
Пусть в рай свой милый попадет.
Казах, парнишка городской,
Пристал к кишкам уж твой живот.
И всё ж, прошу я, присмотри,
За теми, кто вослед идет.
И если хочешь ты своих
Поднять на жизни небосвод.
Беги из города в аул,
Избавь аул свой от забот.

Перевод А. Кодара

З

* * *

Златое Солнце на закате,
Огнем охвачен неба край.
Оно на краски так богато,
Готов ли шелк твой, Куралай?

О, Куралай, что с взглядом чистым,
Возьми батист и тьме в укор,
Ты красным шелком по батисту
На белом выведи узор.

Златое Солнце на закате,
Оно тихонько умирает.
Бедняжка-гучка, кровью плача,
Златое Солнце погребает.

Угасло Солнце, небо в скорби,
Вся в черном степь скорбит по Солнцу.
О, Куралай с оленьим взглядом,
Ты вышивать когда закончишь?

Уйми во мне ты зуд тоски,
Взгляни разок, красой срази.
Как над водою чебачки,
Взлетают пальчики твои.

Под бровью выстроились в ряд
Ресницы или черный шелк?

123

Ах, подари волшебный взгляд,
Печалью сердце я прожег!

Как пальчики твои сильны
В игре со спицей и со мной.
Твой взгляд стрела, о, Куралай,
Срази меня своей стрелой!

Нет, на меня ты не смотри,
Следи вон за мельканьем спиц.
Кровавой шелковой строкой
Ты белый вышивай батист.

Вон степь, супруга потеряв,
Вся в чёрном, плачет и грустит.
Красотка милая моя,
К себе, прошу, ты подпусти.

Сгустился мрак, то скорби знак,
Иль просто ночь пришла мрачна?
Там шепчет ветер или бес,
Иль затаилась тишина?

Я подойду к тебе, мой свет,
Храня в себе лишь мысль одну:
Кровавой нитью на снегу,
О чём ты пишешь, дай взглянуть!

Не стану близко подходить,
Пусть мне помогут фонари.
Что написала ты, мой свет?
“Ты за страну свою умри!”

О, Куралай, я чудный взгляд
Твой выдержать теперь смогу.

Потряс меня до боли глаз
Кровавый шелк, что на снегу!

Ты так и пишешь: “За страну”,
Пойду, теперь не стану ждать.
За пальцы тонкие твои
Готов охотно жертвой стать.

Пройдет и ночь, что так мрачна,
Вон, видишь ты, заря взошла.
На гладь белейшую платка
Твоя, наверно, кровь стекла.

“Ты за страну свою умри!”
Бежит кровь к сердцу, как поток.
С оленьим взглядом милый друг,
Ты не вздыхай, держа платок.

С оленьим взглядом милый друг,
В поход я выйду поутру.
Твой кровью вышитый батист –
Мой флаг, что реет на ветру.

Прощай теперь, о, свет очей,
Бальзамом ставший для души.
Теперь возьми ты свой батист,
И “С Богом!” фразу напиши.

Златое Солнце всходит вновь,
Вон золотится неба край.
Готовь скорее ты свой шелк,
С оленем взглядом Куралай.

Перевод А. Кодара

Я * * *
легкомыслен, легко мыслил,
Без чувств, без мыслей, как осел.
Как мотылек, летал без зренья,
Везде и всюду новосел.

О, юность, ты есть опьяненье,
Ты вся – загадка и кульбит.
Ту неживую, словно кукла,
Как мог когда-то я любить.

Перевод А. Кодара

Ч * * *
чтобы душу взбудрил,
Чтобы понял твой пыл,
Нет друга, который с тобой.
В дни, когда одинок,
С болью, что как ожог,
Утешен ты только мечтой.

Краше гурий с небес,
С речью полной чудес,
С возлюбленной милой живешь.
Ты милуешь ее,
Ты целуешь ее,
На тень или призрак похож.

Перевод А. Кодара

В * * *
се гуще, гуще мрак ночной,
В печи уж уголь стал золой.
Раздуть пытаюсь уголек,
Смеется мальчик, что со мной.

Вот искра вспыхнула в свой срок,
Вот показался огонек.
Но, разгореться не успев,
Погас он сразу, одиночек.

Тихонько гаснет уголь в печи,
Смеется мальчуган в ночи.
Слезами полнится мой взгляд,
А тьма таится и молчит.

Перевод А. Кодара

М СОН
ой взор не видит ни луны,
ни солнца,

Свет дня давно погас в моем оконце.
Я не пойму, чему так рады люди,
Лишь жду тот миг, когда свой срок закончу.

Я полон сил напрасных и нелепых,
В тюрьме зачем мне эти мощь и трепет?
Я сна лишь жажду, словно утешенья,
И то смыкаться не желают веки.

Перевод А. Кодара

С * * *
стал гуще темный лес
Из сосен и берез.
Друг вечных он небес,
Молчащий в полный рост.

Завернут в саван, скрыт,
Спит старец, как дитя.
Буран, вопя, скорбит,
Молитвой старца чтя.

Немотствует старик
И спит неколебим.
А я взгрустнул на миг
И грежу вместе с ним.

Заснуть, как он, без мук,
Забыть про грусть-печаль.
Чтоб ветер выл вокруг,
Меня бы отпевал.

Перевод А. Кодара

К * * *
ак воин я повсюду знаменит,
Я пробивал и скалы, и гранит.
Крылатый хищник, мощный я орлан,
Совсем не тот, кто от врагов бежит.

Одним прыжком вскочил я на Алтай,
В степи стрелу я целил на Китай.
Познал я столько бедствий и невзгод,
Что для других хватило б через край.

Упорен я во взятии преград,
Я и на льва наброситься был рад.
А что до пса, который лает, зол,
Я перед ним не отступлю назад.

Перевод А. Кодара

— М * * *
ой мальчик славный,
что ты киснешь,

Тебе грустить ли, мой ребенок?
Ты мал, не будь привязан к мысли,
Она – мираж, что не догонишь.
Придет сама, как повзраслеешь,
А детство – время не для стонов.
Пойди в табун, там изождался
Тебя твой резвый жеребенок!

– В табун идти мне неохота,
Пойду далёко, на охоту.

– Домбру возьми, раз так взгрустнулось,
Спой песню, чтобы встрепенулись
Красотки юные в округе.
Чтоб песнь твою они услышав,
От страсти жаркой захлебнулись.
Во всю щеку горит румянец,
Собой твой стан чинару манит.
Найди себе ты черноглазку,
Она тебе женою станет.

– Мне к черноглазке неохота,
Пойду далёко, на охоту.

– Я мать твоя, рожден ты мною,
Мой сын, ты счастья достоин.
Зачем собрался в путь далекий,
Печалюсь, стану я больною.
Я без тебя, мой светоч милый,
В тоску и грусть себя зарюю.
Тебе не надо в путь далекий,
Позволь тебя я успокою.

– Тебя печалить неохота,
Но все ж, пойду я на охоту.

Дано ли ветру не скитаться?
Он на охоту вышел, дерзок.
Ни скот, ни родич и ни дева
Того, кто дерзок, не удержит.
Пока он ехал, одинокий, –
Попался враг – жесток и мерзок.
В полете – копыта, в рубке – сабли,
Упал юнец в бою ослабнув.
Упал юнец в кровавой пене,
Нашла душа отдохновенье.

Перевод А. Кодара

С * * *
вобода – жизни лучший цвет,
В ней человечности есть свет.
Не стоит попадать в какпан,
В ошибках праздных толку нет.
Бездумных много, кто попов,
Искал вновь вольности завет.

Перевод А. Кодара

КОЗЕЛ
озел с козлиной бородой,
Замекал как-то, горд собой,
Вскочил он на забор.
Ходил он важно, как петух,
Туда-сюда да стук-постук,
Беды не чуя взор.

И до того вдруг стал он горд,
Ему мешать стал небосвод.
Боднуть решил он, зол.
С отрыжкой мекнув на «врага»,
Он думал, что вонзил рога.
Упал во двор козел.

Стоял там грозный жеребец,
Не хуже, чем козел, гордец,
Не знающий седла.
Козел наш грохнулся пред ним,
И пукнул, робостью томим.
Тут конь и пнул козла.

Что было делать жеребцу?
Копыт таких изведав стук,
Козлу ли ныне встать?
Козел с козлиной бородой,
Всего за миг обрел покой,
Остался там лежать.

Перевод А. Кодара

ВНЕДУГ
врачам ли это вызнать,
Шаман тут слаб, поверьте.
Мне смерть дороже жизни,
Я сам прошу о смерти.

Шаман и доктор нужен,
В болезни человеку.
Когда душа недужит,
Найдется ли ей лекарь?

Телесной боли можем
Помочь, – прервать мученье.
Так отчего, о, боже,
Душе нет излечения.

Перевод А. Кодара

К ЗВЕЗДАМ

Как много вас, глаза небес,
Не стройте с неба глазки.
Я не смогу быть в гости к вам,
Эй, туча, скрой их сказку!

Бедняга я, что обречен
Рабом земли быть вечно.
Туда-сюда меня ведя,
Мной ветер правит желчно.

Покорен я, и, всё ж, Аллах,
Я нахожусь в смятеньи.
Мой дух так тонок, так пытлив,
На что душе горенье?

Раз создал ты меня рабом,
Дай духу кротость, робость.
Но всё не так... О небеса,
Откуда же я родом?

Перевод А. Кодара

ЧАСЫ

Часам покоя нет,
Стучат они: “Вон-вон!”
Пришли мы в белый свет
Небытию в догон.

В обмане порожден,
Рад жизни человек.
Но вот прозреет он,
И жизнь чужда навек.

С порога уж кричат
Ему “вон-вон!” уйти.
Жизнь – череда утрат
Без счастья на пути.

Пришел и твой черёд,
Часов суров приказ.
“Вон-вон!”, иди вперёд,
Настал твой смертный час.

Перевод А. Кодара

Т

* * *

вой лик, как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам.
Как шелк, воздушна, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

Туманит разум слов твоих игра,
Мне морем стать бушующим пора.
Твой смех есть россыпь жемчуга, мой свет,
На плоском диске, что из серебра.

Волнуясь, волосы, волнуют сердце мне,
Волнуясь, шлю посланье я волне.
Любимая, вот сердце, вот стихи,
Даря их вместе, я люблю вдвойне!

Возьми стихами вышитый платок,
Мое дитя, ты – сладкий лепесток.
На мед, обычно, мухи все летят,
Платком взмахнув, их вызовешь отток.

Когда придешь, воздушна, словно шелк,
Из света дам на голову венок.
Из слез своих я жемчуг нанижу,
Не смейся, что без слез любить не мог.

Твой лик, как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам.
Как шелк, воздушна, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

Перевод А. Кодара

139

Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен.
Слышится гул,
Едет аул
Ветру вдогон.

* * *

Степь вечно спит,
Мальчик молчит.
Две немоты.
Тайна в них – та,
Что немота
Суть маеты.

Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен.
Мальчик и степь...
Кто из них слеп?
Кто из них – сон?

Перевод А. Кодара

Т * * *
ы гурии райской милей,
Красивей ее, горячей.
Объятья раскрой мне сильней.

Дай впиться мне в шею твою.

Ты – свечка, а я – мотылек,

Я – жертва, а ты – огонек,

Тебе нипочем коготок.

Приникну к тебе и сгорю.

Перевод А. Кодара

Я * * *
– поэт, я как поток,
Теку, в себя влюбляя.
Я – поэт, огня приток,
Я неба достигаю.

Черноглазка, прячь свой взор,
Не требуй поцелуя.
Увлечет тебя напор,
Лаская и милоя.

Я – поэт, я – ветерок,
Я весь – полет, стихия.
Я – игривый мотылек,
Люблю цветы любые.

Не печаль свой ясный лик,
Нет ветру в сердце места.
Соблазна полн его язык,
Лишь степь – его невеста.

Я – поэт, в стихах горяч,
Когда я вдохновенен.
Я – поэт, мой горек плач
В печальный день осенний.

Не дари мне этот взгляд,
Не обнимай, не надо.
Не целуй меня, мой яд
Отравит твою радость.

Пойми, с тобой меня уж нет,
Мне даже мир весь тесен.
Я – лишь ветреный поэт,
Источник слез и песен.

Перевод А. Кодара

БАТЫР БАЯН
(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Стремительно движется войско,
подобное тучам бегущим,
Мрачнеет порой, как гора, затаившая грусть
в своих куцах.
Порою, бушуя прибоем морским, озоруя,
Пытается выявить самых способных и лучших.
Прозвали дорогу отцы наши славные
“Пыльной”,

Теряя ту грань, что бывает меж пылью
и тучей.

Отряды спешат, позади уж вершины,
пригорки,
Их ведет Бугыбай, он не любит среди них
отстающих.

Путь в несколько дней был пройден быстро и
скоро,
Вдоль озера войско собирается гуще и гуще.

Балхаш привечает их волн перехлестом
и пеной,
Не пеной, а жемчугом вечно-менящим,
бесценным.

Впадают в него две реки Каратал и Аягуз,

Из рек самый длинный Или, боровник
неизменный.

Два брата имеет Или, и из этих близняшек

Текес – тот джигит, что отведал воды
из Хан-Тенгри.

И, став у Или, поджидали калмыки Аблая,
Избрав это место для будущей битвы ареной.

Бесчисленно войско и лишь удалыцы туда
входят,

Калмыки в смятении задумались в поисках
брода.

Уса и Церен свой созвавши совет порешили,
Казахов уловкою вынудить хитро к отходу.

Послали к Аблаю семь самых речистых
калмыков,

И так наказали Аблаю сказать при народе.
“Вину признаем мы, простит пусть Аблай
наш великий,

Даем в возмещение коней мы из лучшей
породы,

И юрты даем и на каждого воина деву,
Верблюда с коврами с персидских ковровых
угодий!”

Посланцы придя, обратились к Аблаю с сей
речью,

На день отложил хан с посланцами этими
встречу,

Созвал свой совет, обратился к батырам и биям,
И всё ж, обсужденья он сам оказался предтечей.

“Не дамся на хитрость, мы выступим завтра
на битву,

И там по дороге возьмем их дары мы до сечи,
А то, что осталось, возьмем мы напав на их
войско

На утро другое, то бишь послезавтра...
Что, нечем

Вам мне возразить?" – обратился потом он
к совету.

Никто в возраженьях, естественно, не был
замечен.

Когда сам Аблай излагает совету суть дела,
Батыры и бии не будут Аблаю перечить.

Застыла толпа в молчаньи согласном,
покорном,

Казалось, все были решением хана довольны.
Тут встал вдруг Баян, он известен казахам
трех жузов.

“Я слово возьму, а ты чти, по обычаю,
вольность.

Никто не бежит под ружье, где готовится
выстрел,

Ни люди, ни звери на тропах степных или
горных.

Одобришь меня иль озлобишься жаждая мести,
Но я возражаю, считаю решение вздорным!

Нет истины, хан мой, когда нет ее обсужденья,
Лишь раб одобряет любое хозяина мненье.
Калмыки когда-то великий Китай обманули,
Равнинных стравляя с китайцами гор
постепенно.

И если калмыки не в сговоре ныне с Китаем,
Зачем их Китай ожидает с таким нетерпеньем?

Аблай, лучше прочих ты знаешь коварство
калмыков,
Хватало казахам калмыков постичь разуменья.
Любой из калмыков обманет, но сам
не поддастся
Обману. Аблай, не надейся, прошу, на везенье!

Баян замолчал. Хан сказал всё о том же,
насупись,
Он думал, что без подношений остаться им
глупо.

И хан, и Баян по два раза сказали о том же,
Смотря безотрывно, никто из них взгляд
не потупил.

Блистало в очах их недоброе, красное пламя,
Но им не хотелось казаться врагами кому-то.
Толпа угадав, что Аблай стал сердит
и не в духе,

Сказала: “Добро!” и закончилось дело
в минуту.

Решили вопрос и теперь в ожидании войско,
Надеясь, что завтра посланцы придут
под утро.

Казахи всех жузов считали Аблая тулпаром,
Одни аруахи ему полагалися в пару.
Считалось, нельзя властелину такому перечить,
Поступок такой был бесстыдным для малых
и старых.

“Кто против, того поразит своей метой
особой!” –

Кричали поэты, грозили гадатели карой.
Жалеть про себя стали старцы батыра Баяна,

Он храбрый батыр был и в битвах вернейший
товарищ.
Вздыхая печально, они про себя порешили:
“Напрасно был дерзок, остался без счастья
ты, парень!”

На этом совет разошелся по юртам охотно,
Ждать утра осталось и войско, поужинав
плотно.

Скользя мягким шелком прошла тихо летняя
ночка,
Заря чуть забрезжила в силу входя расторопно.
И Солнце в зарницах зари золотой разгораясь,
Привет шлет земле, засверкав с высоты
беззаботно.

Проснулись батыры, позавтракав, ждали
известий.

Иные за дичью охотиться вышли вольготно.
Ждет войско известий, иные уже изождались.
Аблай, помрачнев, погрузился в раздумия,
потный.

Ждет войско известий... Заката роскошна
картина,
Калмыков вчерашних сегодня нет и в помине,
Неужто Аблая калмыки опять обманули,
Широкого мыслью и мудрого как благостыня.
Светило зашло и лучи золотые угасли,
И черное марево всё превратило в пустыню.
Застыло и войско, подобно пучине в молчаньи,
Аблай теперь должен ответственность этой пучине.
Очнувшись от горестных дум на исходе заката,
Собрал он людей, чтобы путь вновь найти
из трясины.

Собрав свой совет, вопрошает Аблай:
“Где же выход,
Как можно нам выйти из этого черного лиха?
Шумят патрирахи то это иль то предлагая,
Канай Караульский вдруг выступил веско
и лихо.
Он вышел вперед, поражая своим красноречьем:
“Калмыки в Китае, теперь их, попробуй,
найди-ка!
Коль будем преследовать там их в стремленьи
упрямы,
Погибнем напрасно, нам лучше вернуться бы
тихо.
Аблай помрачнел, но что делать, совет был
уместным,
Решили вернуться, хоть и с сожаленьем
великим.

На утро отложено войска движенье обратно,
Аблай сидит мрачный, ему это все неприятно.
Заснули батыры, безмолвин, ночь
и Хан-Тенгри...
Баян лишь не спит, ему многое здесь непонятно.
“Неужто в казахах нет гордости ратной,
с чего мы
Без схватки и битвы пошли словно псы на
попятный?”
И он, не стерпев, собирать стал по юртам
джигитов,
Горячих, как пламя, любителей подвигов
ратных.
Собрав сто юнцов, поскакал он из стана
под утро,
Туда, где Китай привечает калмыков податных.

А войско осталось, лишь сотня отважных
джигитов,
Летят вдоль Или для врагов и подвохов
открыты.
Баян впереди, словно белый возревший сокол,
Подобный пожару, кричащему травам:
“Замрите!”
Грызут удила скакуны, посрамившие ветер,
Лишь дробь отбивают подковами дружно
копыта,
И только к полудню увидел Баян в мираже ли,
Калмыков шатры, побережье все ими покрыто.
Джигиты свершив небольшую в горах
передышку,
С ураном “Аблай!” поскакали на смертную
битву.

На тысячи тысяч набросилась дерзкая сотня,
Как речка, в бурленьи бегущая с гор
многоводных.
Калмыки вначале, вопя, были в панике дикой,
К отпору они оказались явно не годны.
Но миг погода опомнились дружно калмыки,
Собрались, чернея, червям в копошеньи
подобны.
По сотне калмыков пришлось на казаха в сей
битве,
Дым, топот и крики в одно совместились
сегодня.
Лил с потника пот, кровь струилась стекая
по сабле,
Джигиты сражались отважны, быстры,
благородны.

Казахов ватага без счёта разила калмыков,
В пыли вся и дыме, аж небо смутилось
от криков.
Здесь сабля, взлетая, оставила смерть
без работы,
Крива, как усмешка, смеялась в усердии диком.
Здесь теплая кровь человечья бежала ручьями,
Стекая в лощины, привыкшие горюшко мыкать.
Во множестве дырок, доспехи рвались
словно тряпки,
Батыры дрались с голой грудью, страшая
отвагой и рыком.
На сопке соседней коня со звездой зарезав,
Вожди из калмыков чтят идола, словно владыку.

Полуденный час. Угнетает дух ветер палящий.
И зной нестерпим, и воздух так спёкся, моряще.
Зрак Солнца недвижим, стоит над главами
в покое,
На небе – ни тучки и птицы не видно парящей.
Калмыков войска окружили отважную сотню,
Несметны числом, громадою зло гомонящей.
С коней посбивав многих воинов лучших
в отряде.
Ликуя, калмыки, победу уж празднуют наспех.
Но вот среди битвы раздался восторженный
возглас:
“Баян, мчи сюда!”, в миг, казалось,
последний, пропащий.

Баян как всегда в гуще битвы находится жаркой,
Он давит калмыков бегущих, избитых им,
жалких.

Глаза его стали, как два уголька, пламенея,
Кровавая пена взлетает из губ его ярких.
Направо-налево орудуя саблей разящей,
Льет крови калмыцкой потоки с батырским
азартом.

Единственный друг Жанатай, вечно рядом
в атаки идущий,
Ныне ранен и бредит, нуждаясь в бинтах
и припарках.

Он держится если в седле, то велением чуда,
Вот-вот упадет для калмыков желанным
подарком.

Кто другу поможет рискуя собой среди схватки?
Полезет под саблю, спасая товарища в давке?
Баян наклоняется, чтобы помочь Жанатаю,
И только к нему он, калмык появляется гадкий.
Огромный калмык поднимает копьё над собою,
До крови охочее, бьющее в цель без оглядки.
Вонзает его он в бедро, врасплох заставая
батыра,

И там повернув, хочет вытащить к удали
падкий.

Баян Жанатая держа пред собою за пояс,
“Стой, баба-калмык!” – закричал, словно
в диком припадке.

И выдернув вражье копьё, он выпростал руку
другую,
Дух предков призвал и, нисколько уже
не волнуясь,

Он саблей взметнул, так змея свое жало пускает,
И вмиг голова покатила на землю сырую.
И рану свою затыкая в бедре большим пальцем,

Пытался унять крови яркой кипящие струи.
Качаясь, стоял он, и нельзя было не любоваться
Величием воина в эту минуту златую.
Но вот он упал, и всё так же обняв Жанатая,
Остался лежать между жизнью и смертью,
горюя.

Земля закружилась и небо упало на землю,
И черный туман пред глазами округу объемлет.
Ему тяжело, он с трудом открывает ресницы,
Как будто в предутреннем сне полуспит или
дремлет.

Вот будто он в юрте Аблая сердитого видит...
Вот войско ликует, Аблая за Бога приемля...
Вот видит Нояна с калмычкой
волнистоволосой,
Ресницы смежились, ничто уже их
не подъемлет.

В обнимку стоят два возлюбленных близких
Баяну,
Кивают батыру, как будто в небесном пареньи.

Ноян и калмычка приветствуют молча Баяна,
Как звезды они, что мигают из вечности
странно.

Ах, женщин поймешь ли, останутся вечной
загадкой,

Она улыбнулась, как будто Луна из тумана.
Нет-нет... показалось... бледна...
без кровинки на лице...

Его умоляет о чём-то, как будто султана.
Нет-нет... это сам он вдоль речки Жолды
будто скачет,

И видит две тени, бредущих за ним постоянно.

Гадюкой метнувшись, стрела в миг две цели
пронзила...
И губы Баяна шевелятся еле в страданьи.

“Ах, мне бы рыдать не слезами, а кровью
багровой,
Я жизнь отдаю, искупая вину пред любовью.
Я мучился этим, приходит конец всем
мученьям,
Мной кровь пролита и не смою ничем эту
кровь я.
Мне Бог не простит, но простят меня
братья-казахи,
Здесь жертвой за них умираю я смертью
суровой!”
Батыр заметался, в агонии мучась
предсмертной,
Вот голову поднял, надеясь увидеть их снова.
Но немые они, не видят его и не слышат,
Ноян, младший брат, не роняет для брата
ни слова.

Стоят, обнимаясь, печали полны неизбывной,
Стоят и глядят, не мигая глядят, безотрывно.
“Как может Ноян обниматься с калмычкой
своею, –
Подумал Баян, – Я же тут на глазах его гибну?!”
Ах, бедный батыр, две души погубивший
невинных,
Теперь уж терпи, не отмоют ни слезы,
ни ливни.
“Все в прошлом уже, вон смерть меня ждет,
дорогие,

Простимся, скажите последнее слово, увь, мне!
Простите меня, подойдите ко мне
на прощанье!”–
Ослабшую руку к ним тянет герой наш
призывно.

Стал черный туман пред глазами, чернея всё
больше,
Калмыки сбежались, чтоб точно героя
прикончить.

Кричали они, унижая его и ругая,
Один подошел и пнул руку поднятую, морщась.
Упала на землю рука и осталась недвижна,

Увяло лицо, постепенно исчез в нём свет
солнца.

Другой наклонился и голову лихо отрезав,
На пику ее насадил, качая пред воинов толщей.
Уса и Церен, ликуя в восторге с народом,
Войска одарили гульбою – большою
и мощной.

Забыли вожди о тревогах своих и испуге,
Кернаи трубили, звучали сырнай в округе.
Назавтра, однако, в Китай они быстро
собрались.

Боясь, что Аблай не одобрит иные потуги.
Баян, посвятивший величью казахов,

Лежал одиноко, уткнувшись в песок где-то
к югу.

Добрее врагов оказался в степи только ветер,
Песком засыпая, оплакивал тело, как вьюга.

Нам волны Или до сих пор повествуют об
этом,
Струясь и струясь, журча и журча без натуги.

Народ позабудет героя, но сель есть на свете,
Народ позабудет героя, напомним нам ветер.
На счастье рожден он народа, и, если,
беспечный,

Народ позабудет героя, пустыня заметит.
Народ позабудет героя, но вспомнит пригорок,

Нельзя позабыть нанесенных врагу им
отметин.

Народ позабудет героя, земля не забудет,
Не зря проливал свою кровь за родные он
степи.

И если его не забудут стихии природы,
Народ не забудет героя, вся истина – в этом!

Перевод А.Кодара

В НА КРУЧЕ ОКЖЕТПЕСА*

Поэма

В Сарарке не сравнится другая земля
с Бурабаем,
Никакая земля не баюкает мысль так, лаская.
Если озеро в ряби и горы Кокше ты не видел,
Не оставит тебя сожаленье, в тоску погружая.
Окжетпес там обнял мощновздыбленной
кручею тучу,

К небу мысль не взметнет высоко так
вершина другая.
Коль ничто в Сарарке не сравнится в красе
с Бурабаем,
То в Алаше** достойных Кене среди мужей мы
не знаем.
Где ты ныне Кене – от печали в Кокше
изнывавший?
В этом мире все призрачно, сердце печаль
мне седлает...

Днем и ночью Кокше дремлет маревом
зыбким подернут,
От клубящихся туч на вершинах он кажется
черным.

* Посвящается Кенесары Касымову –
руководителю казахского
национально-освободительного
движения в XIX в.

** Алаш – другое название казахов.

157

Весь в деревьях косматых стоит перед ним
Болектау,
К великану Кокше распростерши объятия
просторно.
Между ними, прозрачная, круглится озера
чаша,

Где под ветра порывами сыпятся жемчугом
волны.
Окжетпес над тем озером каменной башнею
стройной,
Словно кладка за кладкой, вздымается, как
рукотворный.
К крутизне окжетпесовой – к пику,
подобному пику,
Лишь Кене, дерзкий духом, свой шаг
направлял непокорный.

Удальцов у казахов извечно во множестве
было,
Кто из них Кенеке* уподобился духом
и силой?
Нет, не мужи они, просто выродки с видом
героев
Увлекавшие люд свой не в небо, а в затхлость
могилы.
Хан Кене, оказавшись во власти мятущихся
мыслей,
Заметался по бору, как будто тоскуя
о крыльях.
Есть пещера, в горах расположенных
за Окжетпесом,
В той пещере укромной какое-то время
пробыл он.

* Ксенеке – уважительное
обращение от имени Кене.

Вдруг однажды стихия взбесившимся ветром
взыграла,
Ветра хохот безумный способен разрушить
был скалы.
Поцеловано дерзко губами холодными ветра,
Забурлило и озеро, пенясь игриво и шало.
’ Угой ночью герой мой, нахмурившись
мрачно в пещере,
Думал думу свою нечувствительный
к грохоту шквала.
Чтоб казахам в неволе дорогу найти
в бездорожье,
Рассекал себе сердце он думой, не знающий
жалость.
“О, народ мой алаш, я и хан твой, и твой
простолюдин,
Ты прими меня в жертву...” – в нем мысли,
волнуясь, вздымались.

Погрузившись в раздумья, никак Кенеке
не воспрянет,
Взор орлиный его время смутное застит
туманом.

Наконец, встрепенулся, вытолкнув в выдохе
горьком
Ядовитую выкипень мыслей, горчащих,
как рана.
К Окжетпесу шагая уверенной поступью
валкой,
Словно тигр оставляет следы он в сыпучих
барханах.
“Оказаться б сейчас мне на этой немислимой
круче...” –

Белизною слепят, словно пеной озерной отмыты,
Его длинные волосы с длинной до пят бородою.
Только стоило старцу отверзнуть уста для
привета,
Как шум волн у подножья усилился,
сдавленно воя.
Тогда старец в печали к Кене обратился так:
“Здравствуй,
О, Кене, сын народа, мой тигр,
что бессмертья достоин! “

Подойди же, сынок, что доблестью пращурам
равен,
Одинокий мятежник, стиснутый словно
в облаве,
Я святой Ата Пир аруах твой, тебя берегущий
От вражды и навета тех, кто низок честью
и нравом.
Это я тебя поднял с земли, ожидая на круче
Век за веком тебя, в ком надежда Алаша
и слава!
О, герой мой, рожденный душевною болью
народа,
Знаю, носишь ты рану, горчашую, словно отраву.
Ты отравлен навек безысходной печалью
казахов,
О, аллах, дни черны у твоих соплеменников,
право!

У Алаша грядущее черным туманом покрыто,
Этот царь, словно прорва, сосет, не уймет
аппетита.
Мужей много, губивших народ свой
совместно с врагами –

Когда время растленно, от смертного чести
не ждите.
Недоносок, позорящий память и славу Аблая, –
Вон Вали, его мысли женой-потаскухой забыты.
Недалекие бии* вроде Шормана, в усердьи
Продавали народ, за какой-нибудь крохотный
титул.
Кенежан, уведи свой народ из-под вражьей
десницы,
Пока можно еще, пока всюду пути для отхода
открыты.

Будь в решении тверд, не сворачивай, сын
мой, с дороги,
Как твой предок, молитвы буду к божьему
слать я чертогу.
Тебе будет соратником в скорби твоей и печали
Твой братишка Науан, пылом юности
стоящий многих.
Многочислен твой враг, всего с горстку
народ, близость краха –
Пусть поддержат тебя аруахи и божья подмога.
Если цели своей не достигнув, погибнешь ты
в битве,
Я в валун превращусь в тот же час на вот
этом отроге.
Средь Алаша героя такого, как ты, буду ждать я,
Камenea на круче в надежде немой и тревоге.

Слово это сказав, растворился тот старец
в тумане,
Вся поверхность скалы преисполнилась
дивным сияньем.
Покачнувшись, пlying, закрубились черные тучи,

* Бий (каз.) – родоправитель.

Звуки песни священной заполнили все
мирозданье.

Гоня тучи, терзая озерную гладь шаловливо,

Ветер камни круша, хохотал, ввергнув мир
в содроганье.

Поминая аллаха, шумели и сосны в смятении,
Умирали и волны в прибое борьбы и стенанья.
Хан Кене потерявший дар речи от этого дива,
На земле себя видит, когда снова приходит
сознание.

Кенек с того часа не видел в бездействии толку,
Он был вечно в походах, тигренка Науана
взяв только.

Чтоб казахов своих увести и устроить в свободе,
Над царем измывался он хуже голодного волка.
При поддержке киргизов, в союзе с Большою
Ордою,

Он задумал связаться с Китаем, сомнения
скомкав.

Но киргизы несчастные мысли его не постигнув,
Погубили героя, погрязнув в невежестве
горьком.

Когда лев смерть обрел на вершинах седых
Алатау,

Древний старец на круче покрылся в миг
каменной коркой.

С тех событий немало уж времени кануло
в Лету,

Отравляя всю степь оскудения горестной
метой.

От народа осталось всего-то лишь кожа да кости,

Сарарка – рай земной – никого уж теперь
не приветит.
В необъятной степи, где так царственно
рыскали тигры,
Обитают теперь только гниды да сукины дети.
Лишь осколком бывшего на пике крутом
Окжетпеса
Старец ликом к Востоку лежит, провожая
рассветы.
Много времени ждет он без устали, тлена
не зная, –
Мужа вровень с Кене среди казахов надеется
встретит.

Бурабаю подобной земли в Сарарке уж не будет,
Мужа вровень с Кене у казахов уж больше
не будет.
Лев – Кене мой погиб ведь, безвременно
с жизнью простившись,
Неизбывней беды у казахов уж больше не будет.
Изнемог мой народ, Сарарка истощилась,
так тяжело,

Бедолага-поэт скорбной песнью печаль
не избудет.
О, аллах, коль не проклял навек, то скажи,
почему же,
Не родится теперь муж, подобный Кене,
не разбудит? –
Нет Кене. И из юных наследника тоже не видно,
В сердце ядом – печаль: отравляет, и давит,
и губит.

Перевод А. Кодара

ӨЛЕҢДЕР

Б

ТУҒАН ЖЕР

Бұл жарыққа аяқ басып туған жер,
Кіндік кесіп, кірім сенде жуған жер.
Жастық – алтын, қайтып келмес күнімде
Ойын ойнап, шыбын-шіркей қуған жер.

Жаратылдым топырағыңнан, сен – түбім.
Жалғаны жоқ, бәрі сенен жан-тәнім.
Сенен басқа жерде маған қараңғы,
Жарық болар Шолпан, Айым, сен – Күнім.

Тәтті суың дәмі аузымнан еш кетпес,
Қалың нуың, қыр, суыңа жер жетпес.
Кең даланда ойын ойнап қалсамшы,
Жазу болып адамзатқа ер жетпес!..

Балақ түріп, қозы қуып, жарысып,
Батпағыңда тең құрбымен алысып.
Түнде – аксүйек, алтыбақан, ал күндіз
Үйретем деп асау тайға жабысып.

“Адам басы – Алла добы” деген рас,
Қалай қуса, солай кетпек сорлы бас.
Кім біледі, мен де шетке кетермін,
Туған жерім, сені тастап басым жас.

ТҮРКІСТАН

Түркістан – екі дүние есігі ғой,
Түркістан – ер түріктің бесігі ғой.
Тамаша Түркістандай жерде туған
Түріктің Тәңірі берген несібі ғой.

Ертеде Түркістанды Тұран дескен,
Тұранда ер түрігім туып-өскен.
Тұранның тағдыры бар толқымалы,
Басынан көп тамаша күндер кешкен.

Тұранның тарихы бар отты желдей,
Заулаған қалың өрттей аспанға өрлей.
Тұранның жері менен суы да жат,
Теңіздей терең, ауыр ой бергендей.

Тұранның шегі-шексіз шөлі қандай,
Теңіздей кемері жоқ көлі қандай!
Тұранның дария аталған өзендері
Тасыса, шөлді басқан селі қандай!

Тұранның таулары бар аспанға асқан,
Мәңгіге басын апнақ шаштар басқан.
Бауырында ерке бұлақ салады ойнақ,
Жаралып таудан аққан салқын жастан.

Шөлдер бар, жел де жүрмес, сап-сары құм,
Моладай ешбір үн жоқ мәңгі тып-тын.
Болмақ па жан-жануар шексіз шөлде,
Сар құмда салар ойнақ пері мен жын.

Тұранның теңіз дерлік көлдері бар,
Шалқыған егі-шетсіз Теңіз, Арал.
Бір шетте қасиетті Ыстықкөлдің
Бауырында дүние көрген түрік көкжал.

Ертеде Оқыс, Яксарт – Жейхун, Сейхун,
Түріктер бұл екеуін дария дейтін.
Киелі сол екі су жағасында
Табасың қасиетті бабаң бейітін.

Тұранның Тянь-Шаньдай тауы қалай,
Пар келмес Тянь-Шаньға таулар талай!
Еріксіз ер түрікті ойға аларсың
Көкке асқан Хантәңіріге қарай-қарай.

Балқашты бауырына алған Тарбағатай,
Жоталы, жер кіндігі – Памир, Алай.
Қазықұрт қасиетті тау болмаса,
Топанда Нұқ кемесі тоқтар қалай?

Тұранның жері де жат, елі де жат,
Құйындай бастан кешкен күні де жат!
Тұранды түгелімен билеп тұрған
Ертеде ертегі хан Афрасияб.

Ежелден жер емес ол қарапайым,
Білесің, тарихты ашсаң, Тұран жайын.

Тұранға қасиетті құмар болған
Ертеде Кей-Қысырау мен Зұлкарнайын.

Тұранға жер жүзінде жер жеткенбе?
Түрікке адамзатта ел жеткен бе?
Кең ақыл, отты кайрат, жүйрік қиял,
Тұранның ерлеріне ер жеткен бе?!

Тумайды адамзатта Шыңғыстай ер,
Данышпан, тұңғыық ой, болат жігер.
Шыңғыстай арыстанның құр аты да
Адамның жүрегіне жігер берер.

Шыңғыстан Шағатай, Үкітай, Жошы, Төле –
Атаға тартып туған бәрі бөрі.
Шыңғыстың қол бастаған екі көзі –
Жолбарыс Сұпытай мен көкжал Жебе.

Тұранның билері бар Тарағайдай,
Сол биден Темір туған от боп ойнай.
От шашып жер жүзіне Ақсақ Темір,
Жарқ етіп өте шыққан нажағайдай.

Тұранды мақтамаймын тіпті текке,
Онсыз-ақ Тұран таныс талай шетке.
Сырласқан үйде отырып аспан-көкпен
Білгіш аз жеткен жүйрік Ұлықбекке.

Асыл қан – қасиетті түрік қаны,
Сол қаннан – Ибн-Сина Әбуғали.
Молдығы білімінің сиқыр дерлік,
Дүниеге мұндай адам туды ма әлі?

Түріктің кім кеміткен музыкасын,
Фараби тоғыз ішекті домбырасын
Шерткенде тоқсан тоғыз түрлендіріп,
Жұбанып, кім тыймаған көздің жасын?!

Тұранда түрік ойнаған ұсап отқа,
Түріктен басқа от болып жан туып па?
Көп түрік енші алысып тарасқанда,
Қазақта қара шаңырақ қалған жоқ па?

Арыстан елге Отан болған Тұран,
Тұранда қазағым да хандық құрған.
Қазақтың қасқа жолды Қасым ханы
Тұранның талай жерін билеп тұрған.

Әділ хан аз болады Назардайын,
Алашқа Есім ханның жолы дайын.
Тәукедей данышпан хан құрған екен
Басында Күлтөбенің Құрылтайын.

Бұл Тұран ежелден-ақ алаш жері,
Тұрансыз тарқамаған алаш шері.
Тұранның топырағында тыныштық тапқан
Алаштың арыстаны – Абылай ері...

Тұраннан Сарыарканы бөлек деме,
Түркістан алты алашқа болған Кебе.
Тұранның топырағын құшып жатыр
Кешегі ердің ері көкжал Кене.

Шер батса – кім іздемес туған елін,
Тұлпар да көксемей ме туған жерін?

Арқаның ардагері – қалың алаш,
Тұран да, біле білсең сенің жерің!

Қырағы Тянь-Шань мен Памир, Алай,
Күтеді көптен сені қарай-қарай.
Кене мен Абылайдың жолын құмай,
Жапанда жайылудың мәні қалай?!

Ертеде Оқыс, Яксарт – Жейхун, Сейхун,
Түріктер бұл екеуін дария дейтін.
Киелі – сол екі су жағасына,
Болмаса, барсаңшы іздеп бабаң бейітін!

К О Т
Күннен туған баламын,

Жарқыраймын, жанамын,

Күнге ғана бағынам.

Өзім – күнмін, өзім – от,

Сөзім, қысық көзімде – от,

Өзіме-өзім табынам.

Жерде жалғыз Тәңірі – от,

Оттан басқа Тәңірі жоқ.

Жалынмен жұмсақ сүйеді,

Сүйген нәрсе күйеді,

Жымиып өзі жорғалар.

Ұшырағанды шок қылар,

Шок қылар да, жоқ қылар,

Мұның аты От болар.

Мен де отпын – мен жанам,

От – сен, Тәңірім, табынам.

Әдемі отпен аспаным,

Бәрі жасық басқаным,

Жалын жұтам – тез тоям.

Әулием, ием, құтыма,

Теңсіз Тәңірім – отыма

Әлсін-әлсін май құям.

Май құямын – өрлейді,

Құлашын көкке сермейді.

Кейде жылан арбайтын,
Кейде аждаһа жалмайтын,
Сескенбес, сірә, кім сенен!
Шынында, менің өзім де – от,
Қысылған қара көзім де – от,
Мен – оттанмын, от – мсенен.
Жалынмын мен, жанамын,
Оттан туған баламын.

Қараңғылық бұққанда,
Қызарып күн шыққанда,
Күн отынан туғанмын;
Жүрегімді, жанымды,
Иманымды, арымды
Жалынменен жуғанмын.
Жүрегім де, жаным да – от,
Иманым да, арым да – от.

Жарқырап от боп туғаннан,
Белімді бекем буғаннан,
Қараңғылық – дұшпаным.
Сол жауызды жоюға,
Соқыр көзін оюға
Талай заулап ұшқанмын.
Әлпіге* барғам Алтайдан,
Балқанға барғам Қытайдан...

Заулап, өрлеп аспанға,
Әлпіден әрі асқан да
Отты Атилла, Баламер
Мен едім. Тағы барғанда
Ойран салып Балқанға
Жолбарыс Жошы, Сүбітай ер

* Альпі – асқар таудың аты
(М.Жұмабаевтың ескертпесі).

Шалғай-шалғай жер шалып,
Басылдым біраз от алып...

Кеше маған тіл келді,
Күнбастыстан жел келді,
 Қараңғылық қаптады.
Ұяттан әсер қалмады,
Идеялды – Алланы
 Қарын деген таптады.
Күнім, заулап жана гөр,
Күнбатысқа бара гөр.

Енді заулап жанайын,
Күнбатысқа барайын,
 Бір шетінен тиейін.
Қараңғы тас қаласын,
Жалмауыз жауыз баласын
 Жалынмен жалап, сүйейін:
Не қалар екен қаладан,
Жалмауыз жауыз баладан?!

Күннен туған баламын,
Жарқыраймын, жанамын,
 Күнге ғана бағынам.
Өзім – күнмін, өзім – от,
Сөзім, қысық көзім де – от,
 Өзіме өзім табынам.
Жерде жалғыз Тәңірі от,
Оттан басқа Тәңірі жоқ.

К ҚАЗАҚ ТІЛІ

Күш кеміді, айбынды ту құлады;
Кеше батыр – бүгін қорқақ, бұғады.
Ерікке ұмтылған ұшқыр жаны кісенде,
Қан суынған, жүрек солғын соғады.

Қыран құстың қос қанаты қыркылды,
Күндей күшті, күркіреген ел тынды.
Асқар Алтай – алтын ана есте жоқ,
Батыр, хандар – асқан жандар ұмытылды!

Ерлік, елдік, бірлік, қайрат, бақ, ардың–
Жауыз тағдыр жойды бәрін не бардың...
Алтын Күннен бағасыз бір белгі боп,
Нұрлы жұлдыз – бабам тілі, сен қалдың!

Жарық көрмей жатсаң да ұзақ, кен-тілім,
Таза, терең, өткір, күшті, кең тілім,
Таралған түрік балаларың бауырына
Ақ қолыңмен тарта аларсың сен, тілім!

М

ӨМІР

ана көкті қаптап еді қара бұлт,
Күн күркіреп қорқытып, ұшырып құт:
Көк тұнжырап мұңайып, қабақ жауып,
Көз ашқанда аспанда жарқылдап от.

Бұркыратқан екпінді дауыл еді,
Сабап құйған жиіркеніш жауын еді.
Қорқып-сасып, жан-жануар есі шығып,
Бәрі-ақ іздеп баспана тауып еді.

Бұлт айықты, көк жүзі болды ашық,
Бар нәрседен қайғы-мұң кетті қашып.
Күн сәулесі жер жүзін құшақтады,
Қосылуға қашаннан болған асық.

Бейне алтындай көкте бұлт тұр ғой жайнап,
Енді жел жоқ мазалар оны айдап,
Жанға рақат гүлдерден хош иіс аңқып,
Жан беріп кең далаға, құстар сайрап.

Өмір осы – бірде ол болар бұлтты,
Қатты желді, дауылды, кейде отты.
Құрып дымың, қайғырып, жас төгерсің,
Бұлт ашылар – қайғының бәрі бітті.

176

АТАҚТЫ АҚЫН –
СӨЗІ АЛТЫН
ХАКІМ АБАЙҒА

Шын хакім, сөзің асыл – баға
жетпес,

Бір сөзің мың жыл жүрсе, дәмі кетпес.
Қарадан хакім болған сендей жанды
Дүние қолын жайып енді күтпес.

Сөзіңе құлақ салып, баға бермей,
Қисайып, қыңырайды жұртың иттес!
Бұртиып, теріс қарап: “Аулақ жүр!” – деп,
Болды ғой жақын туған бәрі кектес.

Тыныш ұйықта кабіріңде, уайым жеме,
“Қор болды қайран сөзім босқа!” – деме.
Артыңда қазақтың жас балалары
Сөзіңді көсем қылып, жүрер жөнге!

Ай, жыл өтер, дүние көшін тартар,
Өлтіріп талай жанды, жүгін артар.
Көз ашып, жұртың ояу болған сайын,
Хакім ата, тыныш бол, қадірің артар.

Жүрген жанның артында ізі қалар,
Етікші өлсе, балға мен бізі қалар.

Бір бай өлсе, төрт түлік малы қалар,
Жүйрік өлсе, артында сөзі қалар!

Сұм дүние сылаң беріп көптен өтер,
Сау қалғанның көбісі ертең бітер.
Тоқтамас дүниенің дөңгелегі,
Жүйріктің айтқан сөзі көпке кетер.

МЕН ЖАСТАРҒА
СЕНЕМІН

Арыстандай айбатты,
Жолбарыстай қайратты,
Қырандай күшті қанатты –
Мен жастарға сенемін!

Көздерінде от ойнар,
Сөздерінде жалын бар,
Жаннан қымбат оларға ар,
Мен жастарға сенемін!

Жас қырандар – балапан,
Жайып қанат ұмтылған.
Көздегені көк аспан,
Мен жастарға сенемін!

Жұмсақ мінез жібектер,
Сүттей таза жүректер,
Қасиетті тілектер –
Мен жастарға сенемін!

Тау суындай гүрілдер,
Айбынды алаш елім дер,
Алтын Арқа жерім дер,
Мен жастарға сенемін!

Қажу бар ма тұлпарға,
Талу бар ма сұңқарға?!
Иман күшті оларда,
Мен жастарға сенемін!..

Алаш айбынды ұраны,
Қасиетті құраны,
Алаштың олар құрбаны,
Мен жастарға сенемін!

Мен сенемін жастарға:
Алаш атын аспанға
Шығарар олар бір таңда,
Мен жастарға сенемін!

ТУҒАН ЖЕРІМ –
САСЫҚКӨЛ

Алыстан мұнарланып шалқыған көл,
Бетінде күннің нұры балқыған көл.
Жарысып саф күмістей ақ көбігін,
Мап-майда мөлдірінде қалқыған көл.

Жаныңда жас балалар ойнаған көл,
Жан-жануар суыңды ішіп, тоймаған көл.
Көз салып жалтырыңа, мұңға батып,
Ғашықтар жарын іздеп, ойлаған көл.

Шешініп қыз-келіншек су алған көл,
Әр жанды мөлдіріңнен суарған көл.
Масайрап, суға тойып төрт түлік мал
Дөңіңе ойнақ салып, қуанған көл.

Сыртыңда ақбоз үйлер жарасқан көл,
Байларың кедейлерге қарасқан көл.
Ағайын тату-тәтті – коньыс бірге,
Саулықты сағат сайын сұрасқан көл.

Түрлі құс әуез қосып, шулаған көл,
Шуақта балықтарың тулаған көл.
Сапырып сары қымыз ертеңді-кеш,
Басыңда кеңес құрып, дулаған көл.

Сасық деп еркелетіп ат қойған көл,
От-суға иең түгіл, жат тойған көл.
Назданып, жүйрік мініп, тарлан шүйіп,
Көкселдір тұс-тұс жақтан ат қойған көл.

Кір жуып, кіндік кесіп, сенде өскен көл,
Құрбымен ойнап-күліп, кел дескен көл.
Жарысып, тайға мініп, батпаққа аунап,
Күресіп күн батқанда белдескен көл.

Айдын көл, ата қоныс, құт болған көл,
Сусын боп сұрағанға, от болған көл.
Кеше бірлік, ынтымақ түгел шақта
Бейне бір сенің басың сүт болған көл.

Білмеймін не боларың, қайран көлім,
Жарайды тең болмаса күн мен түнің,
Итиіп қарашекпен келіп қонса,
Басыңнан құсың ұшып кетер сенің.

ПАЙҒАМБАР

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк.

Д.С.Мережковский

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
Күні батып, жаңа таңы атпаған.
Түнеріп жүр түннен туған перілер,
Тәңірісін табанына таптаған.

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
Көгінде жоқ жалғыз жұлдыз батпаған.
Түн баласы Тәңірісін өлтіріп,
Табынатын басқа Тәңірі таппаған.

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
Жалғыз жан жоқ қараңғыда лақпаған.
Білген емес – иман деген не нәрсе,
“Қарын” деген сөзді ғана жаттаған.

Түн баласы... Түн жолына түскен ол,
Сақаусың деп Мұса тілін кескен ол,
Тәңірінің сүйікті ұлы Айсаның
Тітіркенбей ұртап қанын ішкен ол...

Түн баласы түнерген түн жамылған,
Аллаға емес, эзээлге табынған.
Инжілді өртеп, табанға сап құранды,
Әділдікті күткен ессіз қарыннан.

Түн баласы өмірінде араз таңменен,
Қабыл ұлы ауызданған қанменен.
Табынатын құр денеге жануар,
Болған емес жұмысы оның жанменен.

Төгілмей ме кемерінен асқан су,
Өлтірмей ме жайылған соң күшті у.
Түн баласы түнеріп тұр өлгелі,
Көзіңді сал – күнбатыста қанды шу.

Көзге түртсе көрінбейтін кара түн,
Күңірене ме, күле ме әлде әлдекім?
Жылайды да, шулайды да ұлиды,
Бұл кім? Бұл ма – түн баласы түссіз жын.

Қап-кара түн. Түн баласы күңіренед,
Күңіренумен бір-біріне үн беред.
Сөгінеді, сүрінеді, жығылад,
Қара түнде көр көзімен не көред?!

Қап-кара түн. Толқындары кара қан,
Қара түнде өңшең соқыр шұбырған.
Сол шұбырған сансыз соқыр алдында
Ентелеген кәдімгі Иван есалан.

Қап-кара түн. Шегір көзді жындар жүр,
Қап-кара түн. Қайғы мен қан ойнап тұр.
Қайғы менен кара қанға тұншығып,
Түн баласы ауыр ойлар ойлап тұр.

Қап-қара түн. Уақыт ауыр өтеді,
Ой артынан ойлар келіп кетеді.
Түн баласы көр көзінен жас төгіп,
Күншығыстан бір пайғамбар күтеді...

Ерте күнде жоқ бар еді түн туған,
Қап-қараңғы түн ішінде Күн туған.
Отты Күннің сәулесінен от алтын
Отты көзді, отты жанды Гун туған.

Ерте күнде отты Күннен Гун* туған,
Отты Гуннен от боп ойнап мен туғам.
Жүзімді де, қысық қара көзімді
Туа сала жалынменен мен туғам.

Қайғыланба, соқыр сорлы, шекпе зар,
Мен – Күн ұлы, көзімде Күн нұры бар.
Мен келемін, мен келемін, мен келем –
Күннен туған, Гуннен туған пайғамбар.

Соқыр сорлы, көрмей ме әлде көзің көр?
Күншығыстан таң келеді, енді көр.
Таң келеді, мен келемін – пайғамбар,
Күт мені сен, “лахауланды” оқи бер.

Күншығыстан таң келеді – мен келем,
Көк күңіренед: мен де көктей күңіренем.
Жердің жүзін қараңғылық қаптаған,
Жер жүзіне нұр беремін, Күн берем!

Қап-қара түн. Қайғылы ауыр жер жыры,
Қап-қара түн. Күңіренеді түн ұлы.
Күншығыста ақ алтын бір сызық бар:
Мен келемін, мен пайғамбар – Күн ұлы.

* Гун – түріктің арғы атасы
(М.Жұмабаев ескертпесі).

МЕНІ ДЕ,
ӨЛІМ, ӘЛДИЛЕ!

Кажыдым енді, күш бітті,
Көңілсіз, салқын, күн бұлтты,
Жел бұйығып тербелед,
Әлдекімнің өлгенін,
Оны қалай көмгенін
Әңгіме ғып күңіренед.
Жел, күңіренбе, жасың тый,
Өлім күйі – тәтті күй,
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Қара орманның шетінде,
Нағыз желдің өтінде
Өскен жалғыз жас қайың.
Былқ-сылқ етіп билеген,
Сылдыр-сылдыр күйлеген,
Болсын онда не уайым.
Сол жас қайың құлапты,
Жанында жел жылапты,
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Қолына ала ту алып,
Қылышын қанға суарып,
Тау суындай тасыған,
Қарақат көзін қан жауып,
Қабағынан қар жауып,
Ойын салған жас ұлан –
Майданда ұлан қайтыпты,
Жел иманын айтыпты...
Балкиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Әлдеқайда бетпақ шөл,
Бетпақ шөлде жалғыз жол,
Сол жолменен жалғыз жан
Түн бойы талмай жүріпті,
Табанын тастар тіліпті,
Келгенде атып алтын таң,
Сорлы, шөлде өліпті,
Жел құмменен көміпті,
Балкиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Бетінен алма қан тамған,
Тілінен тәтті бал тамған,
Бұйра толқын шашы бар,
Күлкісі меруерт шашылған,
Өзі – гүл жаңа ашылған,
Дәл он бесте жасы бар –
Сұлу көз жас төгіпті,
Тұншығып жасқа өліпті...
Балкиды жаным, бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Талпынған жаңа нәресте,
Ақ қанатты періште,
 Былдырлаған бұлақтай,
Көрінген жанды күлдірген,
Жаңа піскен бұлдірген,
 Балауса нәзік құрақтай,
Қайтыпты қозы көз тиіп,
Бетінен кейде жел сүйіп...
 Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Алыста айдын шалқыған,
Көбігі меруерт балқыған.
 Сол айдынның астында
Бар екен алпыс ақ отау,
Алтын уық, жібек бау.
 Бәрі он алты жасында –
Отау сайын толқын шаш,
Толқын шаштар жалаңаш...
 Балқиды жаным бұл күйге,
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Жаңа піскен балдырған,
Сүйсе, мейір қандырған,
 Айдынға барып түсіпті.
Отауларды аралап,
Жас жүрегін жаралап,
 Сұлуларды құшыпты.

Құшыпты да өліпті,
Жел толқыннан біліпті...

Балкиды жаным бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Балдырғанмен бастасып,
Сұлумен қол ұстасып,

Жас ұланмен жолдас боп,

Жас қайыңды қолға алып,
Баланы сүйіп бір қанып,

Жолаушымен мұңдас боп,

Мен де тезірек өлейін,
Әлі жасын демейін,

Балкиды жаным бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Бетімнен тәтті бір сүйіп,

Алдыңа алшы әлдилеп,

Келші, өлім, тезірек.

Жан ұшудан тоқтады,

Жынданып енді соқпайды

Кешегі асау жас жүрек.

Бетімнен тәтті бір сүйіп,

Алдыңа алшы әлдилеп...

Балкиды жаным бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Ғ

ҒАЗИЗАҒА

Ғазизажан, қарашығым, бауырым,
Жолықтырып дұшпанның бір жауызын,
Сарғаямын қараңғы үйде қамалып,
Ағаң сорлы көрді бейнет ауырын.

Ә дегенде ашу қысып, жанып ем,
Ауыр ойлар басып, назаланып ем.
Мың бейнетпен ұзын күнді өткізіп,
Күнде ертен деп, күте-күте талып ем.

Күндер өтті, жанды жеді абақты,
Қанды сорып, көтертпеді қабақты.
Желдей заулап ескен жүйрік жас жүрек
Көтере алмай қалды сорлы қанатты.

Жан бауырым, қарашағым Ғазиза!
Қарлығашым, келдің ұшып, мен риза.
Сорлы ағанды сағыныпсың, ойлапсың,
Жылар ма едің жүрегіңе ой сыйса?

Сені көріп төбем көкке тигендей,
Маңдайыңнан болдым иіскеп сүйгендей.
Тәңірі жазса, сарғаймаспын, шығармын,
Күнәм жоқ қой қасіретте күйгендей.

190

Қалың қара бұлт арылып басымнан,
Тәңірі жазса, өш алармын қасымнан.
Жан бауырым, жыламашы егіліп,
Мен садаға мөлдіреген жасыңнан!

Іште жалын, көкіректе қайғы зор,
Аямастан өмір уын беріп тұр.
Сені көру босанғанмен бір маған,
Еркетайым, анда-санда келіп тұр.

Жолықтырып дұшпанның бір жауызын,
Ағаң сорлы көрді бейнет ауырын.
Тәңіріден ерте-кеш те тілей көр,
Жан-жүрегім, қарашағым, бауырым!

К

ӘЙЕЛ

Кылмыстан жазып Тәңіріге,
Қарсы келіп әміріне,
Қуылды адам жұмақтан.
“Қайт, – деген, – кара жеріңе,
Бесігіңе, көріңе!” –
Бұйрық болды бір хақтан.

Батпас жарық күні жоқ,
Періштелер үні жоқ,
Айнала – өлім тып-тыныш.
Өткелсіз биік тауы бар,
Есепсіз түрлі жауы бар,
Қараңғы көрдей корқыныш.

Жерге түсті жалаңаш,
Көңілде – қасірет, көзде – жас,
“Кеш, Тәңірі!” – деп сұрады.
Қорықты ма қатты жазадан,
Алда құр жалғыз азадан,
Зарлады, қатты жылады.

Жерде жалғыз зарығып,
Көктегі жұмақ сағынып,
Жылады баспай өксігін.
Жасты көріп, Жаратқан,

192

Ыстық дария боп аққан,
Ашты рақмет есігін.

Жұмақтың жібек желінен,
Жайнаған мәңгі гүлінен,
Хош иісін аңқытып,
Күміс кәусар суынан,
Суының алтын буынан,
Бетінде нұрын балқытып,

Көктің батпас Күнінен,
Періштелер үнінен,
Жұмақта хорлар лебізінен,
Өз нұрынан нұр бөліп,
Сезгіш, сүйгіш жан беріп,
Махаббат, рақмет теңізінен, –

Жаратты Тәңірі әйелді:
Бастасын деп бар ерді
Туралық, шындық жолына.
“Адаспассың, азбассың,
Тура жолдан жазбассың,
Ерсең, – деп, – мұның соңына!”

“Жұмақтан жырақ кеттім! – деп,
Кешілмес күнә еттім!” – деп,
Жылама зарлап, налыма!
Жолбасшыңнан өрнек ап,
Сенің де көңілің болса ақ,
Жұмақ даяр тағы да!”

Өтті заман. Жас кепті.
Қорқыныш, қатер, қайғы өтті,

Ұмытты адам Алласын.
Жауыздың жасы жалған ба ед?
Жауыздық оған арман ба ед?
Жер жұтты ма уағдасын?

Кешегі әйел-періште
Адамды бастар ғарышқа,
Жүзі жарқын нұрлы айдан, –
Еңіретіп күң ғып сататын,
Еріккенде ойнап жататын
Болды, қалды бір хайуан.

Енді ежелгі көркі жоқ,
Көргені қорлық, еркі жоқ,
Естисің бе зарлы үнін?
Бұл ісінді қоймасаң,
Әйелмен ылғи ойнасаң,
Жүрмесін көп боп бұл күнің!

Ж ГҮЛСІМГЕ

Жұмақтағы жібек желден,
Мәңгі жайнап тұрған гүлден
Жаратылған әйел сұлу!
Тұрмыс деген бір тұзаққа,
Азға емес, тым ұзаққа
Кез болыпты – ішіпті у.
Әйел атын Гүлсім дейді,
Тұрмыс атын тылсым дейді.

Жұмақтағы кәусар судан,
Бетіндегі алтын будан,
Періштелердің жырынан,
Жұмақ суы сылдырынан,
Жапырағының сыбдырынан,
Тәңірінің дәл өз нұрынан
Жаратылған періште еді,
Мекені оның ғарышта еді.

Алмас канат періште еді,
Мекені оның ғарышта еді,
Жерді көрді қанға батқан.
Жүрегіне қанжар кіріп,
Жапан түзде аңдай ұлып,
Елді көрді – зарлап жатқан.
Елді көрді – жерге түсті,
Жерге түсті – көрге түсті.

195

Елді көрді – жерге түсті,
Қақты қанат, кезді, ұшты,
 Кім зарласа, соны сүйді.
Күлгенменен бірге күліп,
Өлгенменен бірге өліп,
 Күйгенменен бірге күйді.
Жабыққанға жәрдем етті,
Қара да, ақ та теңіз өтті.

Алдап, меруерт көбік шашар,
“Кел, – деп, – бері!”, қойнын ашар
 Тұрмыс – теңіз бір тұңғиық.
Теңізге кім басар кадам,
Басса, басар оған адам,
 Жанын сатып, жанын қиып!
Тұрмыс – теңіз сылқ-сылқ күлді,
Сұлу суға кірді де өлді.

Өлді сұлу – өтті жылдар,
Өлді сұлу – бітті жырлар,
 Жалғыз ерте кешкі таңмен,
Қанды жерге көзін салып,
Көкті ойлап күйіп-жанып,
 Қоңырлатқан мұңды әнмен
Ұшады екен қанат қағып,
Көзінен ыстық жасы тамып.

Жан толқытар жыр іздеген,
Әдемілік нұр іздеген,
 Қиял құлы – мен бір ақын.
Тұрмыста тар, тайғақ жолға,
Түсіп келе жатып орға,
 Күні кеше кешке жақын

Батқан күннің таңын көрдім,
Сол сұлудың жанын көрдім.

Күні кеше жанның жырын,
Жүзіндегі жұмақ нұрын
Естіп, көріп, елжіредім.
Жан жүрегім, қолым беріп,
Қан аралас жасым төгіп:
“Жолым баста, келші!” – дедім,
Қайырылып та қарамады,
Жас жүрегім жаралады...

“Мен бір жанмын өлген” – деді,
“Періштелер көмген!” – деді,
Бір карады, кете барды.
Жүзіндегі жұмақ нұры,
Аузындағы мұңды жыры
Жүрегіме сіңіп қалды.
Жүрегімнен кетпес бұл жыр,
Құбылса да мыңға өмір.
Періштелер лебізінен,
Шын махаббат теңізінен
Жаратылған әйел сұлу!

Тұрмыс деген бір тұзаққа,
Азға емес, тым ұзаққа
Кез болыпты – ішіпті у!
Әйел атын Гүлсім дейді,
Тұрмыс атын тылсым дейді...

ЖАН СӨЗІ

Әмір – теңіз, жоқ оның түбі, шеті,
Сылқ-сылқ күлген сиқырлы толқын беті.
Осы өмірге кіргелі көп күн болды,
Енді бір ай – толады жиырма жеті.

Мен жоқ едім, бар қылып анам тапты,
Содан бері Күн талай шықты, батты.
Ес білгелі алыстым өмірменен,
Өмір – теңіз, толқыны тым көп қақты.

Мен туғалы ағарып көп таң атты,
Қараңғылық жер бетін талай жапты.
Ес білгелі алыстым жүрекпенен,
Ырық бермеді, қаңғырды, ол не тапты?

Ессіз жүрек тулады, бермеді ырық,
Ақыл сорлы ере алмай, қалды тұрып.
Ессіз жүрек, бөгелші бір азырақ,
Отыз тұр ғой үңіліп, арты – кырық.

Өмірінді екі қылмай орындадым,
Есімде отқа, суға ұрынғаным.
Өтті жылдар, жапанда жалғыз қашын,
Өмірімді осынша улап, не қылғаның?!

“Жел бол!” – дедің, жел болып еспедім бе?
Уақыт талғап, ерте я кеш дедім бе?
Желдей жынды, есалаң екпінді боп,
Заулап тұрған отқа өзім түспедім бе?!

“От бол!” – дедің, от болып жанбадым ба?
Күйдірмей, сірә, нәрсе талғадым ба?
Күлді де алдым құшаққа, гүлді де алдым,
Мынау “күл”, мынау “гүл” деп таңдадым ба?!

“Су бол!” – дедің, сылдырап ақпадым ба?
Жыландай жүз бұралып жатпадым ба?
Ерікті-еріксіз суымнан татар жанды
Сикырлап сылдырменен таппадым ба?

“Күн бол!” – дедің, мен Күндей күлмедім бе?
Күннен де астым, мен күндіз-түн дедім бе?
Күн – тәкаппар. Мен көппен құшақтастым,
Бұл ісімді Күндікке мін дедім бе?

“Ай бол!” – дедің, Ай болып, жүзбедім бе?
“Әпсүн” оқып, жер жүзін кезбедім бе?
Анадайдан сиқырлы сәуле төгіп,
Талайлардың өзегін үзбедім бе?

Сен: “Сүй!” дедің, талайды сүймедім бе?
Көбелек боп көп отқа күймедім бе?
Тірілгенім болмаса өлгеннен соң,
Мен талай күлден кебін кимедім бе?

“Жыла!” – дедің, талай жас төкпедім бе?
Дария болды көз жасым, көп дедім бе?

Жасым бітсе, қып-қызыл қан жыладым,
“Жыламаймын, көзде жас жоқ”, – дедім бе?!

“Ата-ананнан без!” – дедің, безбедім бе?
Қаңғырып, талай жалғыз кезбедім бе?
Басыма талай қара күндер туды,
Ата-ана, туысқан іздедім бе?

“Елің тастап кет!” – дедің, кетпедім бе?
Жер шетіне барсам да шет дедім бе?
Жыландай бауырына кіріп алып,
Қалайда жатты жақын етпедім бе?

“Дәулеттен қаш!” – дедің сен, қашпадым ба?
Қойнымды жоқшылыққа ашпадым ба?
“Нәжісті – доңыз, сүйекті – ит жияд” деп,
Барымды желге ұшырып, шашпадым ба?

“Жоқты іздеп тап!” – дедің сен, таппадым ба?
Сен: “Айға шап!” – дегенде, шаппадым ба?
Не керек! Бар бұйрығыңды орындадым,
Сұм жүрек, сол қызметімді ақтадың ба?

Ақтамадың, алдадың, енді білем,
Енді бір ай – жиырма жеті жасқа келем.
Отыз, қырық... Қартаям, сөнем, өлем ...
Еліме есебімді не деп берем?!

Енді бір ай – жиырма жеті жас толады,
Отыз, қырық... Сарғаяды, жүз солады.
Жыл соңынан жүгіріп жыл озады,
Кеудеге күн-күн сайын шер толады.

Ессіз жүрек аспанға қол сермеді,
Ессіз жүрек ақылға жол бермеді.
Жастық – у ғой, айнымай, у ішіппін,
Бұл күндерде кеудені ой кернеді.

Ақылға кеш айналдым, қараң күнім,
Бір күні құшағына алар өлім.
Қара жерді құшақтап мен жатармын,
Сол кезде не деп мені сынар елім?

“Жел еді, желді жыр ғып өтті!” – дер ме?
“Есалаң сүйіп еді шокты!” – дер ме?
“Ойы жоқ, ессіз отты Тәңірі көрген,
Тұншығып жат, есерім!” – деп күлер ме?!

Болмаса: “Қызыл гүл ед, солды!” – дер ме?
“Сермеп ед алтын Айға колды!” – дер ме?
“Қажымай, айға шапқан арыстан ед,
Сабаз-ай, сол жолда мерт болды!” – дер ме?

“Күн еді – өмір бойы күлді!” – дер ме?
“Күн еді – сүймеуші еді түнді!” – дер ме?
“Күн еді, Күндей айқын күле білді,
Сол күлумен акырыда өлді!” – дер ме!

“Сұлулықтың асығы – жыршы!” – дер ме?
“Жүректің сырын шешер сыршы!” – дер ме?
Не қуаныш, не қайғы басқан күнде
Басыма келіп: “Ақын, тұршы!” – дер ме?

Болмаса басыма да бармас па екен?
Атымды аузына да алмас па екен?

201

Қарайып жапан түзде жалғыз тұрған
Молама көз қырын да салмас па екен?

Дариға, сол күндерде күнім қаран,
Қазақ елі, бір ауыз сөзім саған:
Болғайсың, сыншы болсаң, әділ сыншы,
Кінәні жүрекке қой, қойма маған!

Мені атама, бұл жүрек – жынды дерсін,
Ұмтылған аламын деп Күнді дерсін,
“Сүйіп-күліп, күйіп – көз жасын төгіп,
Жынды жүрек өлді де тынды!” – дерсін.

Б

ЖАТЫР

Басқа жұрт аспан-көкке асып жатыр,
Кілтін де өнер-білім ашып жатыр.
Бірі ай, бірі жұлдыз, бірі күн боп,
Жалтырап, көктен нұрын шашып жатыр.

Таласып өнер-білім алып жатыр,
Күнбе-күн алға қарай барып жатыр.
От жегіп, көкте ұшып, суда жүзіп,
Тәңірінің рақметіне жарып жатыр.

Ойламай біздің қазақ текке жатыр,
Бір іске жанаса алмай, шетте жатыр.
Азырақ көз жүгіртіп қарап тұрсаң,
Қазекен таң қаларлық кепте жатыр.

Байлары мыңды айдаған шалқып жатыр.
Бар малын болыстыққа сарқып жатыр.
Барымта, ұрыс-керіс, кісі өлтіріс–
Ішінде сорлы қазақ қалқып жатыр.

Keң жері күннен-күнге құрып жатыр,
Сұр жылан бар қан-сөлін сорып жатыр.
Астана, жұрт билеген адамдарды
Тәңірі күннен-күнге ұрып жатыр.

Біреулер оқып төре болып жатыр,
Шен алып, бақыт құсы қонып жатыр.
Ұмытып өзін-өзі бұл сабаздар
Жұртына қарсы таяқ соғып жатыр.

Шәкірттер медреседе шіріп жатыр,
Қайдағы ескі нұсқа көріп жатыр.
Оқыған, дін іздеген байғұс шәкірт
Жемтікші құзғын болып кіріп жатыр.

Әйелдер мал орнына жүріп жатыр,
Жас қызын малға, шалға беріп жатыр.
“Бес байтал – әйел құны” деген бір сөз
Қармаққа талай жасты іліп жатыр.

Дау-жанжал ел арасы толып жатыр,
Өзара талас-тартыс болып жатыр.
Кешегі шешек жарған қазақ гүлі
Сарғайып, бір су тимей солып жатыр.

Мінекей, қазақ солай бітіп жатыр.
Күннен күн артқа қарай кетіп жатыр.
Сезінбей өз өлгенін, өзінікін
Аты өшкір оқығандар нетіп жатыр?

АЛЫСТАҒЫ
БАУЫРЫМА

Алыста ауыр азап шеккен бауырым,
Қуарған бәйшешектей кепкен бауырым.
Қамаған қалың жаудың ортасында,
Көл қылып көздің жасын төккен бауырым.

Алдыңды ауыр қайғы жапқан бауырым,
Өміріңше жапа шеккен жаттан бауырым.
Түксиген, жүрегі тас жауыз жандар
Тірідей терің тонап жатқан бауырым.

Япырмай, емес пе еді алтын Алтай
Анамыз бізді тапқан, асау тайдай
Бауырында жүрмеп пе едік салып ойнақ,
Жүзіміз емес пе еді жарқын Айдай?!

Алалы алтын сақа атыспап па ек,
Тебісіп бір төсекте жатыспап па ек?
Алтайдай анамыздың ақ сүтінен
Бірге еміп, бірге дәмін татыспап па ек?

Тұрмап па ед біздің үшін мөлдір бұлақ
Сылдырап сылқ-сылқ күліп таудан құлап?
Даяр боп ұшқан құстай соққан құйын,
Тілесек бір-бір тұлпар бейне пырақ!

Алтайдың алтын күні еркелетіп,
Келгенде жолбарыс боп жаңа ер жетіп.
Ақ теңіз, Қара теңіз ар жағына,
Бауырым, мені тастап, қалдың кетіп!

Мен қалдым – жас балапан қанат қақпай,
Ұшам деп ұмтылсам да дамыл таппай.
Жөн сілтер, жол көрсетер жан болмады,
Жауыз жау қойсын ба енді мені атпай?!

Қорғасын жас жүрекке оғы батты,
Күнәсіз таза қаным судай ақты.
Қансырап, әлім құрып, естен тандым,
Қараңғы абақтыға берік жапты...

Көрмеймін кеше жүрген қыр-сайды да,
Күндіз Күн, түнде күміс нұрлы Айды да,
Ардақтап, шым жібектей арайға орап,
Өсірген алтын анам Алтайды да.

Япырмай, айрылдық па қалың топтан,
Шабылып қайтпайтұғын жауған октан?!
Түріктің жолбарыстай жүрегiнен,
Шынымен, қорқақ құл боп жаудан бұқан?!

Шарқ ұрып ерікке ұмтылған түрік жаны
Шынымен ауырды ма, бітіп халы?!
От сөніп жүректегі, құрыды ма
Қайнаған тамырдағы ата қаны?!

Бауырым! Сен о жақта, мен бұ жақта,
Қайғыдан қан жұтамыз. Біздің атқа
Лайық па құл боп тұру? Жүр, кетелік
Алтайға, ата мирас алтын таққа.

Ә

АНАМА

Әмірінің қап-қараңғы түнінде,
Еш не білмес түсім бе, я өнім бе?
Оң менен сол, от пенен су айырмас,
Күшсіз, әлсіз, есім білмес күнімде, –

Құшағыңа алдың, сүйдің сен, анам,
Ренжу жоқ, барлық сөзің: “Жан балам!”
Ыстық-суық, желге-күнге тигізбей,
Асырап, сақтап, болдың, анам, баспанам.

Түнде тұрып, түн ұйқыңды төрт бөлдің,
Тыныш ұйықтасын деп, аз сөйлеп, аз күлдің.
Ыңырансам, я қарным аш, я тоңған
Екенімді, ойламастан, тез білдің.

“Жаным дедің, қарашығым құлыным”,
Сүйдің, қыстың, дедің: “Тәтті қылығың!”
Қаз-қаз тұрсам, езу тартсам, құласам,
Я жыласам бәрі жақты қылығым.

Жаным анам жібек тілді, ақ көңіл,
Жазу болып, шегер болсам ұзын жол,
Шет жерлерде теріс жолдан сақтарға,
Жан балаңа ақ батаңды бере гөр!..

А

САҒЫНДЫМ

бақтыда айды, күнді жаңылдым,
Сарғайдым ғой, сар даламды сағындым.
“Қарашығым, құлыным!” – деп зарлаған
Алыстағы сорлы анамды сағындым.

Жатқан үйім қабырғасы кара тас,
Жарық сәуле, жылы күнге жаны қас.
Ауыр иіс, ылғи кара көлеңке
Ерте-кеш те, күндіз-түні арылмас.

Тапал, салқын, тым қараңғы, үнгір тар,
Есігімде мықты кара құлып бар.
Кіп-кішкене терезелер темірлі,
Мұндай үйден кімге естілер ащы зар!

Алтын Күнді, кара жерді сағындым,
Жан жолдасым жүйрік желді сағындым.
Асау тайдай еркелетіп өсірген
Ағайынды, туған елді сағындым.

Әлдеқайда Күн шығады, батады,
Сорлы тұтқын күңіреніп жатады.
Қарар болсаң терезеден темірлі,
Көздеп тұрған күзетшілер атады.

208

Ас бола ма сасық сорпа, қара нан,
Алма бетте қалмады ғой тамшы қан.
Қоңырау қағып оятады ақырып,
Тым болмаса сібірлеп те атпай таң.

Бостандықта өткен күнді сағындым,
Желдей зулап кеткен күнді сағындым.
Жыл құсындай ұшсам, консам ерікті,
Ойдағыны еткен күнді сағындым.

Абактының айға баға күні ұзақ,
Жанды жейтін жылға баға түні ұзақ.
Ескі мола дән дыбыс жоқ, тым-тырыс,
Тық-тық басып күзетші жүр жалғыз-ақ.

Қара жылан қалың ойлар қаптады,
Шыбын жаным барар жерді таппады.
Ойлар жейді жас жүректі жегідей,
Тәңірі ием, таңындағы атпады!

Ойыны бір құрдастарды сағындым,
Тілегі бір жолдастарды сағындым.
Келешекке бірге план құрысқан,
Сырласатын жас достарды сағындым.

Уға толды жас жүрегім, жабықтым,
Таныс дауыс ести алмай, зарықтым.
Не дегенін, не істегенін біле алмай,
Қор болдым ғой, азат жүрген халықтың!

Құшақтарға жанымда жоқ жақын жан,
Басқа шапшып, мазаны алды ыстық қан.
Жалындаған жас жүрекке не пайда
Дене күйіп, бір жатып, бір тұрудан?

Жүрегіме жақын жанды сағындым,
Жібек мінез, ақық жарды сағындым.
Айрыларда күншығыстан ағарып
Ақ жібектей атқан таңды сағындым.

Не көрсем де, алаш үшін көргенім,
Маған атақ ұлттым үшін өлгенім!
Мен өлсем де, алаш өлмес, көркейер,
Істей берсін қолдарынан келгенін!

Қалың елім, қалың қара ағашым,
Қайраты мол, айбынды ер алашым!
Өзі-ақ құлар, сырың бермес, сабыр қыл,
Ақымақтар байқамаған шамасын.

Қазағымды, қалың елді сағындым,
Сарыарқамды сайран жерді сағындым.
Балдай бұлақ, мөлдір күміс көбікті
Арқадағы айдын көлді сағындым.

Қуанышта: “Әй сені ме!” – дегендер,
Күйініште мен үшін уайым жегендер.
Құтылу қиын басқан адым аңдулы,
Тізіп қойып, ертеңді-кеш түгендер.

Тәңірі ие, өзің алшы панана,
Тас бауырлар зарға құлақ сала ма?!
Баласынан тұтқын болып сарғайған,
Кім жеткізер сәлемімді анама?

Абақтыда айды, күнді жаңылдым,
Сарғайдым ғой, сар даланы сағындым.
“Қарашығым, құлыным!” деп зарлаған
Алыстағы сорлы анамды сағындым!

ЖАЗҒЫ ТАҢ

Жып-жылы түн маужырап,
Көтерілген жерден бу.
Саф күмістей жарқырап,
Тыныш жатыр тұнық су.

Көкке тиген биік тау
Құшақтасқан тұманмен,–
Қосылысып есен-сау
Бал алысқан құмармен.

Ақырын ескен жылы жел
Маужыратып, тербетіп, –
Таң атсын деп жайнап гүл
Өсіп балам ер жетіп.

Шырылдап торғай аспанда,
Бытпылдығы ән қосып,
Шала-жансар жатқанда
Табиғатқа жан қосып.

Таң атқанда, жалбарып,
Тәңіріге құлдық қылғаны,
Ісіне оның таңданып,
Көңілі хаққа сынғаны.

Міне, алтын таң атты
Күншығыстан ағарып.
Көтеріп зұлмат қанатты
Жер де кетті жаңарып.

Таң, Күн – деген жер жаны,
Екеуінсіз жоқ сәні.
Оқу-білім – ер жаны,
Жараспас ерге құр жаны

Т

ТОЛҒАН АЙ

Тұрсың сен, мейірімді ай, нұрың шашып,
Бұғып жүр қараңғылық бетін басып.
Толсаң да, солсаң-дағы айрылмайтын
Жолдасың – жұлдызыңмен қол ұстасып.
Далада жолаушыға сен жолбасшы.
Егерде жазатайым жүрсе адасып.
Дөнгелек, жарасымды ақ келбетің,
Жүресің жылжып қана, әсем басып.
Ажары ақ жамбыдай сұлулардың
Жалғанда кетпес сенен көркі де асып.
Сәуленнің түскеніне әлдекандай
Теңіздер жан теңгермес жатқан тасып.
Мәз-мейрам көкте қатар жүргеніңе
Жұлдыздар иек қағып жымыңдасып.
Жалғыз-ақ іштен сені жек көреді
Екі жар қол ұстасқан, сыбырласып.
“Жарықта қараңдап бой көрінер!” – деп,
Бір-бірін сүйісе алмас мауқын басып.
Елжіреп көңілдері, құмар қанбай,
Айрылар біраздан соң амандасып.

ҚАЗАҒЫМ

Қазағым, таянды ғой қылта мойын,
Жер, мал кетіп, бос қалды біздің қойын.
Қарашы өзіңе өзің көз жүгіртіп,
Жараспас бұдан былай күлкі-ойын.

Жетті енді қам жер мезгіл, жатпа бекер,
Ойламау келешекті түпке жетер.
Надандық қоршап алған тұс-тұс жақтан,
Жан қорқып, дене тітіреп, есің кетер.

Тасталық болыстыққа таласуды,
Таласып, жаман көзбен қарасуды.
Мың-мыңның төгілуі жетер енді,
Ізделік аққан бұлақ – қара суды.

Бар жерді күннен-күнге алып жатыр,
Хохолдар алып қала салып жатыр.
Қырылысып өзді-өзімен қазақ сорлы,
Жерінен аузын ашып қалып жатыр.

Кел, қазақ, қолдағыдан құр қалмайық,
Отырайық жиылып, оңдалайық.
Мың жылғы өткен қуам деп ата заңды,
Өнерден кеш қалармыз, ойланайық.

Жер қалар, біз жиылып қала салсақ,
Қайдағы оңды жерді таңдап алсақ,
“Ауыл болсаң – қоғам бол” деген сөзден
Бұлтармай, ертенді-кеш жүріп барсақ.

Сол шақта көп түкіріп – көл де болар.
Көлде толқын айдаушы жел де болар.
Мектеп, медреселер көп салынып,
Ағайын, тату-тәтті ел де болар.

Жиылмай өнерге аяқ баса алмаспыз,
Нық сіңген надандықтан қаша алмаспыз.
“Заман түлкі болғанда, тазы болмай”,
Биік қырдан алдағы аса алмаспыз!

Б

КҮЗ

Бұрқырап қара дауыл соғып тұрған,
Көкорай түсі қашып солып тұрған.
Шыдамай қатты ызғарлы жел өтіне,
Бүрісіп ағаш, шөптер тоңып тұрған.

Көрік жоқ ойда-қырда шығып жүрсен,
Естілмес құс, құрт даусы құлақ түрсен.
Қақтанған, жамыла түсіп, от маздатып,
Көресің кемпір-шалды үйге кірсен.

Масатыдай құлпырған жердің жүзі,
Аяқ бассаң – табанға өтер сызы.
Кемпір болған бет-аузы қатпарланып, –
Бұраңдаған кешегі сұлу қызы.

Қысқасы, жер жүзінде көрік біткен,
Қараған да, сұлу қыз қайта кеткен.
Жыламсырап, мұңайып жанды-жансыз,
Қатты аязды, қайырымсыз қысты күткен.

Осы уақыт шаһарға тұрсаң қарап,
Түрлі жұрт түрлі істе жүрген тарап,
Көше бойлап, оқуға шапшаң басып,
Шаттықпен жас балалар бокша арқалап.

216

Қыс, күз болмас оларға көңілсіз шақ,
Оқу біліп, айырар қара мен ақ.
Өнерленген дүниеге ұстаз болған,
Қолдарында олардың тәж бенен так.

Қарасаң сонда қазақ арасына,
Ойнаған жалаң аяқ баласына.
Кетеді іш елжіреп, жанып-күйіп,
Көңілдің тұз сепкендей жарасына.

Жас өмір надандықта өткен босқа,
Оқымай, өнер қумай жазы-қыста.
Білімнен ат-тонымен қашқан қазақ
Сайлауға таласуға қандай ұста.

Баласын оқытумен жоқ жұмысы,
Ел бұзу, малын шашу – барлық ісі.
Ойлаған бір күн бұрын таңдағы істі,
Япырым-ау, айтсаңдаршы, бар ма кісі?

Баска жұрт балалары оқу қуған,
Біліммен өз жұртының бетін жуған.
Ішіп-жеп, босқа жүрсе хайуан малдай,
Адамзат жер жүзіне не үшін туған?!

Қор болдық, өнер қумай, қайран елім!
Күш кетіп, талай жаннан көрдік керім.
Сұлық боп, жан шыққалы тұр таяулап,
Маңдайдан шып-шып шығып өлім терім.

К ОРАМАЛ

Касірет батты жаныма,
Уға толды жас жүрек.
Орамалды жарыма
Бітірем кашан кестелеп...

Күз сарғайтты қайынды,
Мен де бірге сарғайдым.
Қара бұлт жауып айымды,
Жылаймын, күйем, зарлаймын.

Толып қалды төрт айға,
Күйікпенен күн өтті.
Жарымды, өкіріп отарба
Қанды жаққа әкетті.

Елін ойлап қамығып,
Жүрегі толып дерт-шерге,
Жүр екен жаным жабығып
Осы күні қай жерде?

Жарқ-жүрк сансыз көзі бар,
Бейне жынның ұясы,
Ың-жын, у-шу сөзі бар,
Түсірмес жарық қиясы.

Жылы жүзді жаны жоқ,
Қалада жүдеп жүр ме екен?
Жақыны жоқ, жары жоқ,
Жалған оған көр ме екен?

Солдатша сымдай киініп,
Шекпені оның сұр ма екен?
Күрегіне сүйеніп,
Суықта жаурап тұр ма екен?

Жатқан шығар ор казып,
Жауға ма әлде өзіне.
Бұрыла алмай бой жазып,
Қайғы шығып жүзіне...

Қасірет батты жаныма,
Уға толды жас жүрек.
Орамалды жарыма
Бітірем қашан кестелеп?..

Орала берме, жібегім,
Тезірек жүрші, сен де, біз.
Сенсің қымбат керегім,
Алақандай ақ бәтес.

Қайғыдан өлсем, арман жоқ,
Ақиреттік жолдасым.
Көзімде жас қалған жоқ,
Кестеге сінді бар жасым.

Орамалды алып сорлыңнан,
Көзіңе жасыңды іріккенде,

Күрсініп ауыр, сәулемжан,
Көзіңді ақырын сүрткенде.

Жасаған ие, тілегім:
Аралассын жасқа жас.
Орала берме, жібегім,
Сенсің жаным, ақ бәтес.

Қасірет батты жаныма,
Уға толды жас жүрек.
Орамалды жарыма
Бітірем қашан кестелеп?..

К СӘУЛЕ
өрісе алмай зарығып,

Сарғайысқан екі жас,
Әлдеқалай тура кеп,
Көріседі – көңіл мас.

Мөлдіресіп көздері,
Бір-біріне қарайды.
Қысқа болды сөздері,
Жылы у бойға тарайды.

Ауызға ауыз тиісті –
Денелері балқыды.
Тілден тәтті сүйісті –
Жүрек жанды, шалқыды.

Ыстық лебіз сүйгенде
Өртегендей жүздерін.
Енді дене күйгенде
Ашты екеуі көздерін.

Оянысса, адам жоқ,
Түс алдайтын жау ма екен?
Бір-бірін түсте сүйсін деп,
Ойнап сүйген сәуле екен.

Есінеп, бір керіліп,
Қайта тағы жұмып көз:
“Ұйқымды, сәуле, бұздың!”, – деп,
Жатты жамылып сұлу қыз.

Абақтыда оянып,
Жігіт “уһ” деп дем алды.
Көрген түске жұбанып,
Сәулеге алтын қуанды.

Ж БОСТАНДЫҚ*

ер жүзін қан басқанда,
Көбігі шығып аспанға,
Жын жолдас боп адамға,
Туралық, теңдік ұмытылып,
Инжіл, құран жыртылып,
Жатқанда жерде – табанда;

Қызыл қанға мас болып,
Жүрегі қара тас болып,
Айрылып естен адамзат,
Ұмытып мейрімді иесін,
Сойып салық түйесін,
Тәңірісі боп Лат, Манат,

Жүргізіп ібіліс әмірін,
Жауыздық жайып тамырын,
Өршіп өтірік, дұшпандық...
...Көк есігі ашылды,
Жұмақ нұры шашылды,
Келді ұшып бостандық.

Ғарыш нұрлы жүзі бар,
Кәусар, жібек сөзі бар,
Әдемі, алмас ақ қанат.

* 1918 жылы Сібірде реакция дәуірінде жазылған (М.Жұмабаевтың ескертпесі).

Жануарлар жердегі,
Ынтасы – жакын көрмегі,
Таңырқады анталап.

Аппак нұрға оранып,
Ақырын ғана дем алып,
Құрметпенен тұрысты.
Сәуле көрмей, шеккен зар,
Аш-жалаңаш сорлылар
Қуанысты, күлісті.

Тез жалындап суынған,
Жұмақтан да қуылған,
Адамзат бір әуреді.
Есін жиып күйленіп,
Әбден бойы үйреніп
Алғаннан соң сәулеге, –

Баяғысын бастады,
Ұжданды былай тастады,
Бостандықта жоқ жұмыс.
Зар еңіреді талай жан,
Сел боп ақты қызыл қан,
Өтірік, талау, өлтіріс.

Шірік жүрек сасықтар,
Арамдыққа асықтар
Жетілді, жетті мұратқа.
Қыбырлаған қоңыздар,
Қорсылдаған доңыздар
Көктен келген қонаққа.

Тілін, қолын тигізді,
“Сасық сайтан” дегізді,
 Жауыздық тағы өрледі.
Ізгі елшісі жұмақтың –
Қасиетті қонақтың
 Ақ қанатын кірледі.

Қыбырлаған қоңыздар,
Қорсылдаған доңыздар,
 Тілегің болды – қуан, күл.
Бостандық – ізгі періште
Кетпекке ұшып ғарышқа,
 Ақ қанатын қомдап тұр.

О

ЖАРЫМА

т жұтқан туысқанның халін көріп,
Кінәсіз судай аққан қанын көріп,
Айрылған ар-намыстан қарындастың
Көз жасы, қалың қайғы, зарын көріп;

Елжіреп жүрек-бауырым, ішім еріп,
Бейнетке белді буып, қолды беріп,
Ант етіп айнамасқа ес білгеннен,
Байлаулы бауырыма тілеп ерік,

Жан-жарым, ұзақ, қиын түстім жолға:
Алдымда түпсіз дария, сор да, ор да.
Бетпақ шөл: сусыз, отсыз, қайнаған құм,
Ысқырған жылан, шаян оң мен солда.

Өткелсіз, қарлы, отты таулар асқар,
Мейірімсіз табан тілер қия тастар...
Кім білед, қуат құрып, арып-талып,
Төгетін күндер болар ыстық жастар.

Сол күнде, алтын сәулем, қолыңды бер,
Жасытпа, жолым бастап алдымда жүр.
Қара түн қорқынышты қаптағанда
Жарқырап жұлдызым боп төккейсің нұр.

226

Айрылса иманынан көңіл құбыл,
Кейін қайт, жапа шекпей, жазым деп жол.
Жан салып, тура қайтпас жүрек беріп,
Жаңадан жаратып сен Аллам да бол.

Жол алыс, жақын үшін жаннан кештім,
Бауырдың халін көріп бейнет құштым.
Құшақта, сүй, күл, жыла, қайраттандыр,
Жан жарым, ұзақ, ауыр жолға түстім.

С ЖАРАЛЫ ЖАН

ар дала, бейне өлік сұлап жатқан,
Кебіндей ақ селеулер бетін жапқан.
Тау да жоқ, орман да жоқ, өзен де жоқ,
Сәуле емес, қан шашып тұр күні батқан.

Жалқау жел өзін-өзі зорға сүйреп,
Жан-жақты жүргендей-ақ жындар билеп.
Ың-жың дауыс келеді құлағыма,
Перілер ән салысып, тұр ма күйлеп?

Жаралы бір жан жатыр құба жонда,
Бір қисық жалғыз аяқ сүрлеу жолда.
Пернесі, нұры кеткен көзіменен,
Қарайды бейшара жан оңмен, солға.

Қысылған сорлы адамның шыбын жаны,
Шапшып тұр, жүрегiнен ыстық қаны.
Ішті өртеп, жүректі де елжіреткен
Күңіреніп сол сорлының сарнағаны:

“Ойпырым-ай, Алла-ай, Жасаған,
Қысылды ғой шыбын жан!
Қуат кеміп барады,
Көл болды мынау аққан қан.

Тәңірі, өзіңе жылайын,
Хал жоқ, қалай тұрайын!
Жүректі жара жеп барад,
Жасаған-ау, қалай шыдайын?!

Сокпа, сорлы жүрегім,
Шірі енді, ақ білегім!
Мынау қарға, құзғынның
Бердің-ау, Тәңірім, тілегін!

Сауықшыл есіл елім-ай!
Сарыарқа сайран жерім-ай!
Күмістей таза суы бар
Айдын шалқар көлім-ай!

Сол жерде ойнап жүре алмай,
Сауық-сайран құра алмай,
Қарғаға құзғын жем болып,
Қалғаным ба, бір Алла-ай?!

Қиналдың-ау, шыбын жан,
Тоқталсаңшы, ыстық қан!
Зарлайсың ғой жетім боп,
Бесікте қалған балапан!

Қара шаш қайран жарым-ай,
Қарашығым, жаным-ай!
Құлағыма келеді
Алыстан ащы зарың-ай!

Қиналдың-ау, шыбын жан,
Тоқталсайшы, ыстық қан!
Тұлпарға мініп бір шапсам,
Болмас еді басқа арман!

Хал жок, калай тұрайын?
Тәңірі, өзіңе жылайын.
Жүректі жара жеп барад,
Жасаған-ау, калай шыдайын!

Түсті ғой қысым жаныма,
Тұншықтым ғой қаныма!
Ием болсаң, жаратқан,
Салсаңшы құлақ зарыма!

Күштісің ғой, Құдірет,
Періштеңе әмір ет!
Қанатпен бір сипасын,
Жазылсын ішкі-тысқы дерт.

Болмаса, өмірді маған көп көрсен,
Лағнет деп мені жек көрсен,
Өлейін, тез өлейін,
Келсін ібіліс, у берсін!

Түсірме қысым жаныма,
Тұншықтым ғой қаныма,
Ием болсаң, жаратқан,
Салсаңшы құлақ зарыма...

Берді Тәңірім тілегім,
Қуан енді, жүрегім!
Не періште, не ібіліс
Келеді ұшып керегім!..

Сауытты оң жақ колыңа ал!
Сауытта жұмақ суы бар
(Әйтеуір азап тоқталад),
Не тамұқтың уы бар!”

БАТҚАН КҮН,
АТҚАН ТАҢНЫҢ ЖЫРЫ

Алтын күн батып барады,
Күйдіріп көктің жиегін.
Құралай көзді қарағым,
Болдың ба иіріп жібегін?

Құралай көзді қарағым,
Қолыңа қардай бәтесті ал.
Қандай қызыл жібекпен
Ақ бәтеске өрнек сал.

Алтын Күн батып барады,
Алтын Күн ақырын өледі.
Сұр бұлттар сорлы жар,
Қан жылап күнді көмеді.

Күн өледі. Көк күніренді,
Жер жамылды қарасын.
Құралай көзді қарағым,
Кестенді қашан боласың?

Сондай сұлу сәулестай,
Бір қарашы. Аңсадым.
Суда ойнаған шабактай
Сүйреңдейді саусағың.

Қабакқа қатар тізілген
Кірпік пе? Қара жібек пе?
Бір қарашы, қарағым,
У толды ғой жүрекке!

Қалай батыл ойнайды
Сүйрік саусак бізбенен!
Нең кетеді, еркетай,
Өлтірсең атып көзбенен?

Қарама маған, қарағым,
Болсын көзің кергіште.
Қандай қызыл жібекпен
Ақ бәтесті кестеле!

Жер жарынан айрылып,
Жамылды қара басына.
Бота көзді бұран бел,
Жіберші жақын қасыңа!

Қараңғылық қаптады,
Қайғы ма басқан, түн бе екен?
Сыбдыр-сыбдыр әлде не, –
Жел ме? Жүрген жын ба екен?

Қабағың шытпа, қарағым,
Жаныңа жақын келейін.
Қар бетіне қанменен
Не деп жаздың, көрейін!

Тым жақындап бармайын,
Жырақтан жарар көз салсам.
Не деп жаздың, қарағым?
“Ел үшін өл, ер болсаң!”

Құралай көзді қарағым,
Жарылады-ау жас жүрек!
Көзіме қан толтырды
Қар үстінде қан жібек.

“Ел үшін өл, ел үшін...” –
Өмірді аяп не етейін!
Сүйріктен сұлу саусағың,
Мен садаға кетейін!

Түнерген түн өледі,
Ағарған анау таңы ма?
Ақ бәтестің бетінде
Жүрсіңнің қаны ма?

“Ел үшін өл. Ел үшін...”
Өлесің, жүрек, дүрсілде!
Құралай көзді қарағым,
Кестене қарап күрсінбе!

Құралай көзді қарағым,
Аттанайын таңменен.
Ақ бәтес ақ жалауым
Кестеленген қанменен.

Қош бол енді, қарағым,
Мені есіңе алғайсың!
Енді бәтес бетіне:
“Иманды бол!” деп жазғайсың.

Алтын күн шығып келеді,
Алтындап көктің жиегін.
Құралай көзді қарағым,
Иіре бер жібегің!

Ж СҮЙГЕНІМЕ

Жандым-күйдім, сені ойлап, дамыл
көрмей,

Еш жанға сенен басқа көңіл бермей,
Сен – бір жақ, жалған – бір жақ, қатар қойып,
Сені іздедім, жалғаннан қолым сермей.

Қайғы жұттым, “аһ” десем, шықты жалын,
Сырттым – сау, ішімде – өрт жанған қалын.
Күйдірген қалың өрттің зардабынан
Өлгелі тұр сүмірейіп сорлы жаным.

Сөзім, көзім айтып тұр сүйгенімді,
Қуарған, сарғайған жүз күйгенімді.
Талған жүрек, жүдеген, солған дене. –
Сүюдің қолына ен тигенімді.

Күн-түні сені іздедім, қайғы жедім,
“Отқа түскен сорлыңды сүйші”, – дедім.
Төгілген көз жасыма бір иімей,
Денеңді аулақ салдың, қоспай жігің.

Жан ұрдым, жаным қидым, қайрылмадың,
Өмірінше “Кет әрменнен!” айрылмадың.
Шырылдап көз алдында оттай жандым,
Тіліңмен де бір аяп қайғырмадың.

Күн болған көңілімде сенің сәулең,
Болып ем өмірімше сорлы әурең.
Міне, мен сені тастап кетпекшімін,
Қош енді жанып-күйіп сүйген сәулем.

Мен таптым, сүймесең де өзіме жар,
Керегің жоқ, мейірімсіз, жолыңа бар.
Маған енді ол жармен тыныш, ракат,
Бәрібір жазы-қысы жауса да қар.

Өмірінше бірге, тастап кетпегі жоқ,
Сен сықылды қайғылы етпегі жоқ.
Өзгермес бір қалыпта кең тіршілік,
Бірде шаттық, бірде мұң жетпегі жоқ.

Қош сәулем, бермен кара, сорлыңды көр,
Амандас, мен кетейін, қолыңды бер.
Алдымда құлаш жайып қарсы алатын
Сүйген жарым – мейірімді ол кара жер!

К КҮМІС НҰРЛЫ АЙ

Күміс нұрлы ай. Жұлдыздар алмас,
жібек жел,
Сыбырласып жас қайындар бұраң бел...
“Қан қайнады. Жас жүрегім ойнады,
Бір сүйейін! Жақында, жаным, бері кел!”

“Сен сүйерсің, мен күйермін, жанармын,
Құшақтарсың – мен есімнен танармын.
Өлеңдетіп, жүйрікке мініп кетерсің,
Жүрегімде от, жылай-жылай қалармын!”

“Сүйші, сүй!” деп сыбырлап тұр жас терек,
“Құшақта!” деп асығып тұр жас жүрек.
“Ұйқы көрмей, жүйрігімді жаратып,
Келіп тұрмын енді, сәулем, не керек?”

“Түсу киын ұшар құстың ізіне,
Сене алмаймын жас теректің сөзіне.
Бірақ, сәулем, ерігендей боламын,
Бойым балқып, көзім түссе көзіңе!

Ыстық құшақ, отты сүйіс, балды тіл...
Бірдеңе деп күбірлейді жібек жел.
Бұл жастық қой, жасыра гөр, жібегім,
Айтып қойсаң, амал қанша... өзің біл!”

САРҒАЙДЫМ

Сарғайдым күннен күнге қуат кеміп,
Қалың ой кара жылан жүректі еміп.
Ақырын бітіп барам жанған шамдай,
Көзіме ыстық жастар мөлт-мөлт келіп.

Апырым-ай, ауыр болды-ау күнді өткізу,
У жұтып, айдан ұзын түнді өткізу!
Қозғалып, сөйлеп, ойнап, тірі жатып,
Өлем деп жас өмірден күдер үзу.

Соғасың жиі-жиі, жүрек, неге?
Соққанмен жандана ма солған дене?
Сары су денені улайд тамырларда,
Тазарып, снді оны қан етем деме.

Қалмады көздің нұры, көрге айналдым,
Қараны ақ, акты кара дерге айналдым.
Алмадай пісіп тұрған екі бетім
Қуарып, қаны қашып, күлге айналдым.

Жайылды бар денеме уы дерттің,
Мінекей, екі ай болды жалын жұттым.
Күндіз Күн, түнде күміс Ай көрмеймін,
Дариға, жаным азат, денем тұтқын.

Барады күннен күнге азап асып,
Өлім тұр анадайда қойнын ашып,
“Қинала түссін әлі!” дегендей-ақ,
Аяғын, күлімсіреп, санап басып.

Жасаған! Тез алатын ажал жоқ па?
Қинама, тез өлейін, ұшыр оққа.
Шыжылдап дене, шырқырап жан берейін,
Жалыны көкке шыққан түсір отқа!

Т

ОРАЛ ТАУЫ

Таласқан аспанменен көкпеңбек тас,
Қарасаң төбесіне, айналар бас.
Жасаған мейірімі кең қадір Тәңірі,
Шығарған сол тауынан алтын, алмас.

Жіп-жиі, шытырманды түрлі ағаш,
Тұрғаны мұнарланып өсіп жалғас.
Қарағай, шырша-батыр бір қалыпта:
Шілде, жаз, қысын, күзін есіне алмас!
Ішінде аю, қасқыр, түрлі аң толған,
Адамзат батып жалғыз аяқ салмас.

Бір күнде сенің иең түрік еді,
Орын ғып көшіп-қонып жүріп еді.
Қорықпайтын таудан, тастан батыр түрік
Қойныңа жайыменен кіріп еді...

Ер түрік ең далаңа көрік еді,
Отырса, көшсе, қонса – ерік еді.
Тұрғанда бақыт құсы бастарында,
Іргесі, жел-күн тимей, берік еді.

Тұрақсыз бұл жалғанда опа бар ма,
Сақтан, алдар, бой салып жақын барма!

239

Бүгінгі күн жан досың болып жүріп,
Құлатып кетер ертең сені жарға.

Қарашы төңірекке мойның бұрып,
Алтай, Орал бойында тұрған түрік
Аты да, заты да жоқ, дыбысы жоқ,
Жоғалған әлдеқайда іріп-шіріп...

Осындай атамекен жерлеріне,
Қасиетті атаның көрлеріне
Аузы түкті шетелдер ие болып,
Көрсетіп тұр қысымды ерлеріне.

Анамыз бізді өсірген, қайран Орал,
Мойның бұр тұңғышына, бермен орал!
Қосылып батыр түрік балалары,
Тапталпа жолын кесіп, тізгінге орал.

ЕСІМДЕ...
ТЕК ТАҢ АТСЫН!

О л күнді ұмытқан жоқ, әлі есімде,
Таянып келгенінде күн бесінге,
Кең дала ұстап тұрды қол тимеген
Керілген кербез сұлу ақ төсіне.

Құйылып тұрды көктен жұмақ нұры,
Құбылып хор даусындай құстар жыры,
Таласып аспан-көкке алтын тауы,
Арканың суы – күміс, жібек қыры.

Сайланып сол мезгілде шықтық жонға,
Қыранша көз жүгіртіп оң мен солға,
Ақ найза алты құлаш белге байлап,
Айнымас алдаспанды алып қолға.

Қанатты, қажымайтын тұлпар міндік,
Жібекпен жетпіс қабат белді будық.
Құрсанып кылыш өтпес мұздай темір,
Қиядан қыран құсша жауға ұмтылдық.

Аспаннан сорғаласа суға сұңқар,
Сүңгімей үйрек сорлы нағып тұрар!
Ақырған арыстанның айбатына
Шыдар ма қоян жүрек қорқақ құлдар?!

Жау қашты құр қарадан быт-шыт болып,
Қайратқа дене, отқа жүрек толып,
Ауыздан “а” дегенде жалын шығып,
Арқада жаттық сайран, сауық құрып.

Бақ шіркін бір күн қонып бауырыңа еніп,
Кетпек қой ертеңіне-ақ алдап, күліп
Алтын Күн аспандағы қайдан білсін
Қаптарын қапылыста қара бұлт!

Жолбарыс жүргенінде маң-маң басып,
Жүрегі, қайратына көңілі тасып,
Ойлай ма, қу қаңбақты таса қылып,
Жатқанын жасырынып мерген пасық?!

Еліктің еркетайы, ардақтысы,
Алтайдың ақиығы – алғыр құсы,
Алаштың* Арқада еркін ойнақтаған,
Жол тосқан жауыз жауда болды ма ісі?

Мас болып күш пен қайрат, қалың бұға,
Алданып ойын-күлкі, сауық-шуға,
Сергімей жата беріп, сезбей қаппыз,
Жақындап барып қапты Күн батуға.

Күн алтын жан-жағына сәуле шашты,
Жарық пен қараңғылық араласты.
Сәулесі қызыл алтын – сәлемі еді,
“Көргенше қош, алаш!” – деп амандасты.

Ай туып, Күн орнына көкте қалқып,
Гүлдерден мас қыларлық иіс аңқып,

* Алаш – қазақ деген мағынада.

Төңірек тыныш ұйқыға батқан шақта
Кетіппіз біраз ғана біз де қалғып.

Сужүрек мана қашқан жасырынып,
Жақындап келген бопты аңдып тұрып –
Қорқақ құл ұрлықты да ерлік санап,
Қуанып алласына басын ұрып.

Мезгілше, мейлі келсін, тісі батсын,
Сұр жылан, өзі оятар, қатты шақсын.
Жаңадан жолбарыстай ұмтылармыз,
Көрелік төңіректі, тек таң атсын!

Е

ӨТКЕН КҮН

діл, Жайық, Сырдария
Белгілі жұртқа ескі су,
Тәтті, дәмді, тармақты
Ұзын Ертіс, Жетісу.
Осы бес су арасы
Сарыарқа деген жер еді,
Туып-өскен баласын
Айбынды ер Алаш дер еді.
Еркін шауып ойнақтап,
Тілеген отын жер еді.
Қонысы – жібек ну тоғай,
Айдын шалқар көл еді.
Есіл менен Нұрадай
Екі енеге телі еді.
Қой үстіне бозторғай
Жұмыртқалап ол күнде,
Жарлы жан жоқ Алашта,
Бай пейілі кең еді.
Қайыры көп ағайын,
Кедейде жоқ уайым –
Керек болса, бір тайын
Сұраусыз ұстап мінеді.
Болсын жаты, жақыны,
Жоқ асынан тартыну.
Жылы жүзді бәйбіше
Керсендей үлкен аяқпен
Ұстата саумал береді.

244

Шыға қалса бір жұмыс,
Ұзап кетпек – артық іс,
Бітімге биге келеді.
Қасымның қасқа билігі,
Есімнің ескі билігі,
Алдында сайрап жатқан соң,
Көпті көрген көне би
Қара жолмен желеді.
Бір тиын пара алу жоқ,
Қисыққа құлақ салу жоқ,
Туралық, шындық – екеуін
Қаз-қатар ғып жегеді.
Сол екеуі алдында
Бір бұлтармай жүреді.
Ақназар сынды әділ хан,
Абылай сынды ер сұлтан,
Қаракерей Қабанбай,
Қанжығалы Бөгенбай
Ақ найзаның ұшымен,
Ақ білектің күшімен
Дұшпанға қысым көрсеткен,
Қаз дауысты Қазыбек,
Қара палуан Жәнібек
Жалғанда тумас ер еді.
Кеше Шөже, Орынбай,
Жанак, Біржан, Наурызбай –
Бір сөзі мың ділдалық,
Алты алашқа атакты
Бәрі акын, сері еді.
Шілдеде самал ескенде,
Жайлауға ауыл көшкенде,
Ат-айғырға мінісіп,
Қыз-бозбала жарасып,
Тереңнен әзілдескен де,
Тісі меруерт тізілген,

Белі қыпша үзілген,
Хор сықылды сол сұлу
“Ха-ха-ха!” деп күлгенде,
Бұйық жатқан кең дала
Бейне бір жаны енеді.
Сылдырап аққан өзенге
Үй тігіп, дереу қонысып,
Бұрала басып былқылдап,
Әзілдесіп, сыңқылдап,
Жас келіншек, жас қыздар
Кереге жайып, уық байлар,
Үйден үйге жүрісіп.
Өткен күнді ойласып,
Ойға терең бойласам,
Кешегі қайран қазақтың
Сәулеті мен дәулеті
Көз алдыма келеді...
Күшің кеткен баяулап,
Жүрсің атсыз, жаяулап.
Ит надандық желкенде
Шабайын деп аңдып тұр,
Қылышын ұстап таяулап.
Арыстаным, сұңқарым,
Қажымас, талмас тұлпарым,
Басың көтер, тұр енді!
Батқан екен ол күнің,
Жеткен екен бұл түнің.
Өткенді ойлап қайғырма,
Әр кәмалға бір зауал
Ежелден болмақ емес пе?
Ескіше тұрып егеспе,
Заман – түлкі, тазы бол,
Базарша дүкен кұр енді.

КӨКШЕТАУ

Аспанменен тірескен,
Тәңіріменен тілдескен
Көкшетауым біп-биік.
Қою қара көк бұлт
Жайнап, ойнап, құлпырып,
Көкшетауды тұр сүйіп.
Көкшетаудың көзі жас,
Ылғи мең-зең, айнымас
Қалың тұман мұнардан.
Инелік өтпес жіп-жиі,
Октан тұзу тал бойы
Қарағайға оралған.
Әлдеқайда, биікте
Төніп төмен киікке,
Қанды көзді қыран жүр.
Мен де Мұса болар ем,
Тілдестірсе Тәңірімен,
Көкше маған болып Тор*.
Құшам Мұса аяғын,
Өлеңім – ізгі таяғым,
Көкшеге мен де шығамын.
Аяқ басып Арсыға**,
Жүгіріп барып қарсына,
Тәңірінің тілін ұғамын.

* Тор – тау аты.

** Арсыға – мұсылмандық ұғым бойынша Алланың тағы.

К АЛДАНҒАН СҮЛУ

Күні кеше толған ай жүзің еді,
Сықырлы қара нәркес көзің еді.
Мап-майда мамық қардай мінсіз денен
Бейне бір бақшадағы үзім еді.

Жел тимей, кірсіз тұрған кезің еді,
Жандыға жақсы дәру сөзің еді.
Басып кеткен пайғамбар іздеріндей,
Қадірлі аяқ басқан ізің еді.

Ал бүгін ол көріктің бәрі де жоқ,
Ақ марал, аяғыңа дәл тиген оқ.
Өкіндің, жастық, мастық ісің өтті,
Аһ ұрдың, сыртың – жалын, ішінде – шок.

Тіліне қу түлкінің тез алдандың,
Ойламай таңдағыны, тез құп алдың.
Тап-таза ат, көркем көрік – бәрі кетіп,
Өмірінше құтыла алмас отта қалдың.

Таралды жұрт аузына жаман атың,
„Бұзылған!” дейді енді жақын, жатың,
Ызындап ол да, бұл да сол сөзді айтар,
Жас төкпей нағып сонда шыдар дәтін.

Т

ТОЛҚЫН

Толқыннан толқын туады,
Толқынды толқын қуады,
Толқынмен толқын жарысад.
Күңіренісіп кеңеспен,
Бітпейтін бір егеспен
Жарысып жарға барысад.

Толқын мен толқын сырласып,
Сырларын еппен ұрласып,
Толқынға толқын еркелеп,
Меруерт көбікке оранып,
Жыландай жүзге бұралып,
Жарға жетер ентелеп.

Ерке бала былдырлап,
Сылдыр, сылдыр, сылдырлап,
Толқынды толқын қуады.
Күміс кәусар суымен,
Суының алтын буымен
Жарының бетін жуады.

Мөлдіретіп көз жасын,
Жасымен жуып жартасын,
Сүйіп, сылқ-сылқ күледі.

Жылағаны – күлгені ,
Күлгені оның – өлгені,
Жылай, күле өледі.

Сылдыр, сылдыр, сылдырлап,
Бірінің сырын бірі ұрлап,
Толқынды толқын қуады.
Жарына бал береді,
Береді де өледі,
Өледі толқын тынады.

СОДЕРЖАНИЕ

Магжан Жумабаев – выдающийся
казахский поэт. *Сауле Мансурова*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кто я? *Перевод А.Кодара*
Огонь. *Перевод А.Кодара*
Родная земля. *Перевод А.Кодара*
Исповедь. *Перевод А.Кодара*
Туркестан. *Перевод А.Кодара*
Люблю. *Перевод А.Кодара*
Слово хромого Тимура. *Перевод А.Кодара*
Луне. *Перевод А.Кодара*
Ожерельем – луну и звезду на кольцо.
Перевод А.Кодара
На летней дороге. *Перевод А.Кодара*
Зимняя дорога. *Перевод А.Кодара*
Господь великий. *Перевод А.Кодара*
Ветер. *Перевод А.Кодара*
Солнечный зайчик. *Перевод А.Кодара*
Бабочка. *Перевод А.Парщикова*
Берниязу. *Перевод А.Парщикова*
Ураганная ночь. *Перевод А.Кодара*
Загадка. *Перевод В.Шестерикова*
Гульсум-ханум. *Перевод А.Кодара*

251

- 47 Соловей. *Перевод В.Шестерикова*
49 Печальная песнь. *Перевод А.Кодара*
52 Немного по Фету. *Перевод А.Кодара*
53 Внук и бабушка. *Перевод А.Кодара*
55 Братьям из Сыр-дарьи. *Перевод А.Кодара*
57 Желание. *Перевод А.Кодара*
59 Пророк. *Перевод А.Кодара*
62 Упокой меня, смерть упокой.
Перевод А.Кодара
66 Осенний день. *Перевод Т.Фроловской*
68 Александр Блок. *Перевод А.Кодара*
70 Гульсум. *Перевод А.Кодара*
73 Восток. *Перевод А.Кодара*
75 Погоняй лошадку, Сарсенбай!
Перевод А.Кодара
77 Юной красавице. *Перевод А.Кодара*
79 Любил я в тот момент. *Перевод А.Кодара*
81 К... *Перевод В.Шестерикова*
82 В час расставанья.
Перевод В.Шестерикова
83 Осень. *Перевод В.Антонова*
85 Сон. *Перевод А.Кодара*
86 Весной. *Перевод А.Жовтиса*
88 Песнь воина. *Перевод А.Кодара*
89 Мечеть и тюрьма. *Перевод А.Кодара*
91 Цена былого. *Перевод А.Кодара*
92 Свобода. *Перевод А.Кодара*
95 Папироса. *Перевод А.Кодара*
96 Березка. *Перевод А.Кодара*
97 “Что есть любовь? Колючка, шип...”
Перевод А.Кодара
98 “Струи черных волос...”
Перевод А.Кодара

- 99 Посвящение Г... *Перевод А.Кодара*
100 Быстро полечу. *Перевод А.Кодара*
101 М.Дулатову на выход из тюрьмы.
Перевод А.Кодара
102 Прощальное. *Перевод А.Кодара*
103 “Без цветка в гуле дней...”
Перевод А.Кодара
104 “Мысль – это яд...” *Перевод А.Кодара*
105 Обманутая красавица. *Перевод А.Кодара*
106 Я поверяю вам... *Перевод А.Кодара*
108 Ода глагольной рифме. *Перевод А.Кодара*
109 Дружба и слезы. *Перевод А.Кодара*
110 Современный поэт. *Перевод А.Кодара*
111 О, господин! *Перевод А.Кодара*
112 “Звон-звон, перезвон...”
Перевод А.Кодара
113 Волна. *Перевод А.Кодара*
115 Лето наступает. *Перевод Р.Тамириной*
117 На Волге. *Перевод А.Кодара*
120 В Приволжье. *Перевод А.Кодара*
123 “Златое Солнце на Закате...”
Перевод А.Кодара
126 “Я легкомыслен, легко мыслил...”
Перевод А.Кодара
127 “Чтобы душу взбодрил...”
Перевод А.Кодара
128 “Все гуще, гуще мрак ночной..”.
Перевод А.Кодара
129 Сон. *Перевод А.Кодара*
130 “Стал гуще темный лес...”
Перевод А.Кодара
131 “Как воин я повсюду знаменит...”
Перевод А.Кодара

- 132 “Мой мальчик славный, что ты киснешь...”
Перевод А.Кодара
- 134 “Свобода – жизни лучший цвет...”
Перевод А.Кодара
- 135 Козел. *Перевод А.Кодара*
- 136 Недуг. *Перевод А.Кодара*
- 137 Звездам. *Перевод А.Кодара*
- 138 Часы. *Перевод А.Кодара*
- 139 “Твой лик как Солнце, верить ли глазам?..”
Перевод А.Кодара
- 140 “Дол золотой...” *Перевод А.Кодара*
- 141 “Ты гурий райской милей...”
Перевод А.Кодара
- 142 “Я – поэт, я как поток...” *Перевод А.Кодара*
- 144 Батыр Баян (Отрывок из поэмы).
Перевод А.Кодара
- 157 На круче Окжетпеса. Поэма.
Перевод А.Кодара

ӨЛЕНЦЕР

- 166 Туған жер
- 167 Түркістан
- 172 От
- 175 Қазақ тілі
- 176 Өмір
- 177 Атақты акын – өзі алтын хакім Абайға
- 179 Мен жастарға сенемін
- 181 Туған жерім – Сасықкөл
- 183 Пайғамбар
- 186 Мені де өлім әлдиле
- 190 Ғазизаға
- 192 Әйел

- 195 Гүлсімге
- 198 Жан сөзі
- 203 Жатыр
- 205 Алыстағы бауырыма
- 207 Анама
- 208 Сағындым
- 211 Жазғы таң
- 213 Толған ай
- 214 Қазағым
- 216 Күз
- 218 Орамал
- 221 Сәуле
- 223 Бостандық
- 226 Жарыма
- 228 Жаралы жан
- 231 Батқан күн, атқан таңның жыры
- 234 Сүйгеніме
- 236 Күміс нұрлы ай
- 237 Сарғайдым
- 239 Орал тауы
- 241 Есімде... тек таң атсын!
- 244 Өткен күн
- 247 Көкшетау
- 248 Алданған сұлу
- 249 Толқын

Магжан Жумабаев

ИЗБРАННОЕ

Художник А. Бобров

ЛР №060197 от 28.06.98 г.

Подписано в печать 06.12.05. Формат 84 x 108/32. Бумага ВХИ.

Печать офсет. Печ. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ №676

ИПЦ «Русский раритет».

119002, Москва, Денежный пер., 22.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости».

105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.